

АНДРЕЙ ВОРОНИН

КОМБАТ

**ИСХОДНЫЙ КОД
ДЕНЕГ**

Комбат

Андрей Воронин

Комбат. Исходный код денег

«ХАРВЕСТ»

2011

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Комбат. Исходный код денег / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2011 — (Комбат)

ISBN 978-985-18-3868-0

У него было все – успешное дело, любимая девушка, хорошие друзья. Вот только друзья оказались предателями, их стараниями он угодил в тюрьму. Ему повезло: вскоре он не только оказался на свободе, но и сказочно разбогател. И он не собирался, подобно Эдмону Дантесу, устраивать хитроумные ловушки, чтобы покарать коварных друзей. Не те сейчас времена, не те нравы. Для своих обидчиков у него одно наказание – смерть! Но он совершает роковую ошибку. В устроенной им бойне случайно гибнет сын приятеля Комбата. И Рублев идет по следам убийц...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-3868-0

© Воронин А. Н., 2011
© ХАРВЕСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Николаевич Воронин

Комбат. Исходный код денег

© Подготовка и оформление Харвест, 2011

Глава 1

Игорь Григорьев праздновал день рождения. Дата была обычная, не круглая, но отмечалась с размахом, в целиком снятом по такому случаю ресторане. Народу собралось умеренно, человек тридцать, почти все новые друзья. Старые друзья Григорьева отсутствовали по весьма уважительной причине, новые же были несколько другого типа, из тех друзей, которых принято называть корешами. Если бы им скинуть лет по десять, а заодно скинуть цивильные костюмы, приодев в малиновые пиджаки или адидасовское обмундирование, в зале бы воцарился злоеущий дух лихих девяностых.

Тем не менее Григорьев был доволен. В целом – своим новым положением, возможностью тратить, не считая, деньги, а конкретно – в первую очередь тем, что юбилей посетил Мартын собственной персоной. Дал понять, что ценит своего помощника, уважает его и готов уделить ему почти час своего драгоценного времени.

В присутствии Мартына братва наступила на горло собственной песне. Сидели чинно, пили умеренно, старые обиды не вспоминали. Хорошо знали, что пахан без восторга относится к шумным оргиям, способным привлечь внимание охранников правопорядка.

– Мы их своими делами на уши ставим, зачем еще на отдыхе ментов напрягать? Лишнее это. Учитесь тратить бабки без мордобоя и поножовщины, – говаривал он.

С уходом Мартына атмосфера разрядилась, успевшие отдать должное закускам пацаны налегли на выпивку. Перебивая общий гул, зафонил микрофон. Собравшиеся подняли головы. Опираясь на стойку, будто пытаясь сохранить равновесие после ударной дозы спиртного, на сцене возвышался мужичок лет пятидесяти в дырявых джинсах, оранжевом пиджаке и такого же цвета кепке. Внешне мужичок смахивал на клоуна, и казалось, что он сейчас выдаст какую-нибудь репризу насчет собравшихся. Но тут заиграла музыка, и мужичок запел хриплым голосом, по блатному растягивая гласные: «Работала ты в МУРе конкретно и в натуре, но мое сердце бедно простого пацана того, что ты гадука, того, что ты, блин, сука, – вот это мое сердце совсем не поняла».

Мелодия песни была стандартной для блатного шансона, без претензии на оригинальность, стихи, если это можно было назвать стихами, написал человек, вряд ли догадывающийся о существовании таких гениев, как Пушкин, Лермонтов и Есенин, но успевшая разогреться публика восприняла песню на ура. Едва мужичок замолчал, как вспыхнули громкие аплодисменты, без малого не перешедшие в овацию. Вдохновленный таким приемом, артист снова завел свою шарманку. Мелодия новой песни была практически такой же, а шалава на этот раз не являлась сотрудницей правоохранительных органов, а была обычной девушкой. Но финал для несчастного молодого вора оказался таким же печальным. Девушка ушла к другому, захватив большую часть добра, уворованного страдающим влюбленным.

Однако и эту песню собравшие встретили с единодушным одобрением. И это выглядело, по меньшей мере, странным. Вроде бы суровые мужики, без малейших колебаний избивавшие, калечившие и даже убивавшие других людей, выдерживавшие суровые допросы следователей, превращавших некоторых подследственных в инвалидов, а приходили в восторг от натуральных розовых соплей, замешанных на блатных мотивах.

Лишь один человек только делал вид, будто происходящее ему нравится. Игорь Григорьев едва сдерживал гримасу отвращения. Он пригласил мужичка лишь потому, что того ценила братва. А поскольку Игорь слишком поздно спохватился насчет артистов, мужичок оказался единственным не занятым среди любимых собравшейся публикой исполнителей. Да, знай Григорьев, во что это выльется! Но он не удосужился ознакомиться с творчеством приглашенного артиста и теперь был вынужден терпеть.

Но из любого, даже самого неприятного, положения можно найти выход. Игорь сделал вид, что тяга к прекрасному оказалась побеждена естественными потребностями организма, и скрылся в туалете. Хотя и до туда доносились наиболее громкие пассажи артиста. К счастью, Григорьев изначально не хотел делать из своего праздника некий вариант кабацкого концерта. Урод в кепке был ангажирован всего на шесть наиболее известных своих песен. Еще две он исполнил на бис. После этого братва приступила к своему основному занятию, то есть пацаны активно выпивали и через раз закусывали. Юбилей гармонично перетекал в банальную пьянку. Но тут погас свет – остались только разноцветные лампочки на сцене – и раздался почти трезвый голос:

– Сюрприз от Мартына!

Из бокового входа покатали столик, на котором возвышался огромный торт. Столик был зачем-то накрыт покрывалом, которое с четырех сторон опускалось до пола. Человек, толкавший столик, подкатил его к Григорьеву. Только здесь в неверном свете Игорь рассмотрел, что верхушка большого торта срезана. Вдруг оттуда показался торт обычных размеров с горевшими свечами. Григорьев сам догадался, что он должен делать, и начал дуть. Едва погасла последняя свеча, как вспыхнул свет, а из большого торта показалась сначала роскошная шевелюра, а затем милое женское личико. Девушка жизнерадостно улыбалась, продолжая удерживать на голове торт с погасшими свечками.

«Где-то я это уже видел; кажется, в одном американском фильме», – подумал Игорь.

Тут внезапно столик разъехался на две части, и на каждой осталось по половинке торта. Сделано это было, чтобы девушка не измазалась в замечательном творении кондитеров. Правда, для этого от нее, разумеется, требовалась ловкость, но этим качеством девушка обладала в полной мере. Когда части столика разъехали, девушка выпрямилась, сняла с головы торт и поставила его перед Григорьевым.

– Если захочешь, сегодня я твоя, – тихо шепнула она.

Игорь окинул девушку взглядом. Она была в стрингах и бюстгалтере, позволявшем оценить ее фигуру. Григорьев оценил ее на четверку с минусом. Грудь маловата, плечи широковаты и так далее.

– Ну-у-у, – протянул нечто маловразумительное Игорь.

Он подумал, что подарок Мартына мог отличаться более сексуальным экстерьером. Хотя личико у гостыи из торта было восхитительным, тут уж ничего не скажешь.

Не дождавшись конкретного ответа, девушка проскользнула мимо гостей, жадно пожирающих ее глазами, двинулась к сцене, легко впорхнула на нее и для разминки крутанулась вокруг шеста. Раздался хорошо известный голос Джо Коккера – а чей же еще!

Через две минуты Григорьев изменил свое мнение. Подарок Мартына был потрясающе хорош. Отдельные недостатки фигуры являлись издержками профессии, зато девушка выделяла на шесте такое, что аж дух захватывало! Казалось, она сумела договориться с земным притяжением, и оно на время выступления оставляло стриптизершу в покое, давая ей возможность завести мужиков своими пластичными и одновременно предельно откровенными движениями. А еще казалось, что девушка привязана невидимыми нитями, которыми управляет невидимый гигант, легкими движениями то подбрасывая ее почти к вершине шеста, то небрежно опуская вниз. При этом она умудрялась растягиваться в шпагате, делать кувырки и, ухватившись за шест руками, уводить свое тело далеко в сторону. Публика, как говорится, неистовствовала!

Григорьев был увлечен эротическим зрелищем и даже не заметил, как рядом с ним освободился стул. Наверняка это было еще одно распоряжение Мартына. Закончив выступление, девушка подседа к нему:

– Ты уже решил или я свободна?

– Остаешься, – твердо сказал Игорь.

– Тогда угостите даму?

– Чем? Водка, коньяк, виски?

– Нет, только легкие напитки. Можно рюмочку мартини.

– Рюмочку? Кто же пьет мартини рюмками? – Григорьев собственноручно заполнил до краев бокал.

Стриптизерша, придирчиво осмотрев закуски, выбрала овощной салат.

– Ты бы мяса себе наложила. Глянь, какой выбор. И отбивные, и настоящая утка по-пекински, и дичь. Жаль только, что сала нет.

– Зачем мне сало?

– Чтобы жирок слегка нагулять, уж больно ты... – Григорьев задумался на пару секунд, подбирая слово, которое бы наиболее точно охарактеризовало комплекцию стриптизерши.

– Вы, сударь, не очень любезны, – опередив Игоря, сообщила девушка.

– Я, как акын, что вижу, то и пою. Ладно, хватит болтовни, давай выпьем, – предложил Григорьев, воспользовавшись тем, что празднество подошло к хорошо всем известной точке, когда люди под влиянием спиртного забывают, для чего они собрались, сбиваются в кучки по интересам и выпивают уже сами по себе, без общих тостов.

Это похоже на роту солдат, которая дружно шагает в ногу, а затем на привале теряет стройность, единство движения, из единого организма превращаясь в обычную толпу людей.

Девушка согласилась и под бдительным взглядом Игоря осушила бокал до половины. Григорьев опрокинул в рот рюмку коньяка, окинул стриптизершу оценивающим взглядом и сообщил:

– Все же ты красивая.

– Хочешь, я станцую для тебя еще один танец? – спросила та.

– Почему один? У нас с тобой будет время для целой кучи танцев!

– Это потом. А сейчас?

– Давай, мне очень понравилось, как ты порхала на шесте.

Девушка встала, вновь изящным прыжком взлетела на сцену и подошла к шесту. Заиграла музыка. Игорь нервно вздрогнул. Это была одна из любимейших мелодий его молодости. И он, глядя на новые трюки стриптизерши, вдруг погрузился в воспоминания.

Глава 2

Когда Игорю исполнилось шесть лет, Григорьевы переехали в новую квартиру. До того они ютились в общежитии, и теперь получили двухкомнатные хоромы. Так тогда казалось всему семейству. Им повезло: пройдет еще несколько лет, и бесплатное жилье из социального завоевания превратится в навсегда утраченную возможность. При этом государство, стремясь ублажить зарождающихся олигархов и прочую нечисть, с бесстыдством многоопытной проститутки забудет, что на самом деле деньги на так называемое бесплатное жилье брались из карманов обычных тружеников, и даже не подумает компенсировать потерю. Впрочем, когда вопрос касается интересов рядовых граждан, государство превращается в абсолютного склеротика, и состояние это проходит, лишь когда называют очередные выборы.

Для перевозки всего нажитого имущества хватило небольшого крытого грузовика. Машина остановилась у подъезда рядом с другим автомобилем, побольше. Из того уже вынесли все добро, и грузчики таскали мебель к лифту. Григорьевы решились обойтись без грузчиков. Из принципа, когда глава семейства узнал, что за подъем на каждый этаж берутся деньги.

– Какой подъем, если у нас лифт! – возмутился он.

– Гражданин, так положено, – ответили ему.

А кем положено, зачем положено и, в конце концов, на кого – ответа не было.

Отец с тремя родственниками начал таскать мебель. Игорь тоже решил внести посильный вклад в работу и взял аккуратно перевязанную стопку книг. Она оказалась тяжеловатой для шестилетнего мальчика, но Игорь мужественно поволок ее на третий этаж. В квартире напротив была распахнута дверь, оттуда выглянул мальчуган, выглядевший ровесником Григорьева, и дружелюбно сказал:

– Привет, ты тоже будешь здесь жить?

– Ага, в двухкомнатной квартире, – ответил Игорь, чрезвычайно гордившийся собственным жильем.

– А у нас трехкомнатная, – сообщил мальчик, несколько поумерив восторг Григорьева. – Как тебя зовут?

– Игорь. А тебя?

– Витя.

– Ты родителям помогаешь?

– Нет, они сейчас мебель таскают. Вот когда поставят ее, я буду разбирать свои вещи.

– Тогда идем во двор, посмотрим, кто тут еще есть.

– Идем, только я скажу, что ухожу.

Так Игорь подружился с Витей, Виктором Ефимовым. Ребята оказались одноклассниками. Больше того, в их подъезд заселились еще две семьи, в которых были шестилетние мальчики, Олег Сквозняков и Алексей Звонцов. Причем в остальных подъездах дома их погодков больше не было, а во всем дворе оказалось еще три человека. Но с теми тремя отношения сложились, как с обычными знакомыми по двору, а вот между собой мальчики крепко сдружились. Лидером с большой натяжкой можно было назвать Ефимова, поскольку частенько в различных забавах Григорьев брал на себя роль организатора и вожака. А вот Звонцов был явным аутсайдером, поскольку был трусоват по натуре и физически слабее приятелей. Отец Алексея любил выпить и спяну частенько лупцевал сына за реальные и выдуманные провинности. Одной из таких расправ невольно поспособствовал Григорьев.

Однажды случилось почти невероятное событие. Папаша Звонцова вдруг расщедрился и вместо бутылки купил сыну мяч. Резиновый, но довольно приличного вида, стоивший аж три рубля. Вскоре мальчики затеяли игру в футбол. Резвились на небольшой площадке, с одной

стороны которой росли большие деревья. Двое из них исполняли роль штанг ворот. Третьему, росшему чуть позади, выпала другая, печальная роль.

В какой-то момент мяч попал к Игорю, находившемуся в нескольких метрах от ворот. Григорьев ударил изо всех сил. Мяч пролетел над головой вратаря, ударился в то, росшее позади дерево и застыл, словно угодил в горячую смолу или был притянут магнитом, способным удерживать резиновые изделия. Оказалось, что кто-то обломал ветку, да так неудачно, что ее конец походил на острие какой-то допотопной остроги. Алексею крепко досталось за испорченную вещь, но, протрезвев, папаша – надо отдать ему должное – сумел качественно заклеить мяч, и пацаны еще долго гоняли его на своей площадке.

Через год им настало время идти в школу. А поскольку микрорайон был новый, только начинал застраиваться, школа находилась через дорогу, в старом районе. И тут ребятам повезло. Старый район и люди заселяли далеко не молодые, у большинства дети уже выросли, поэтому в школе, несмотря на приток переселенцев, избытка учащихся не наблюдалось, и всех четверых определили в один класс.

Первый же день проверил их дружбу на прочность. В классе оказался акселерат-переросток, почти на голову возвышавшийся над остальными ребятами. Он тут же принялся устанавливать свою неформальную власть, приструнил нескольких мальчишек и взялся за Сквозняка, придравшись к какой-то мелочи. Олег было струхнул, но тут же рядом с приятелем оказался Григорьев:

– Ты чего к нему лезешь? Делать нечего?

Акселерат заколебался. Пусть противники и более мелкие, но их же двое! Хватит ли сил поколотить обоих? А тут рядом стали Ефимов со Звонцовым. Переросток миглом утратил свой боевой пыл, лишь пообещал, сохраняя хорошую мину при плохой игре:

– Ладно, я еще с вами встречусь.

По большому счету обещание свое он выполнил, так как встречался с друзьями почти каждый день, но обидеть любого из них, даже слабого Звонцова, побаивался. Друзья тоже не трогали акселерата, и между ними на долгое время сохранялся нейтралитет.

Хотя вскоре четверка оказалась на грани распада. Виной тому явился Сквозняков, точнее – его паршивый характер. Олег был пацаненком себе на уме, жлобоватым и лживым, даже в дружбе искавшим прежде всего личную выгоду. Сначала остальные трое не обращали внимания на недостатки приятеля, так как они проявлялись в мелочах, но, повторяясь слишком часто, мелочи накапливались, становясь причиной большого недовольства. Первым возмутился Звонцов, которого Олег, как самого слабого, несколько раз подставил, даже, можно сказать, подвел под ремень родителя. Затем настала очередь Игоря, который не стал тратить время на бесполезные слова, а отвесил Сквознякову увесистую оплеуху, пригрозив:

– Еще раз так сделаешь – и можешь ко мне больше не подходить.

Роль миротворца взял на себя Ефимов, к которому Олег относился с уважением и даже некоторым подобострастием, никогда не принося его в жертву собственным интересам. С удивительным для своего возраста здравомыслием Виктор сказал:

– Четверо сильнее, чем трое. Если Олег отколетса, мы будем ходить голодными.

Надо сказать, что в их школе процветал мелкий рэкет. Старшие ребята конфисковывали у младших карманные деньги. Причем десятиклассники трясли девяти- и восьмиклассников, те – семи- и шестиклассников, и так далее до самого низа. Крайне редко, почти никогда, мальчики старших классов покушались на деньги «мальков», считали это ниже своего достоинства. А ребята одним или двумя годами старше предпочитали обходить стороной дружную четверку, ища добычу полегче. Поэтому в словах Ефимова имелся резон, хотя он затронул лишь частность. Если брать шире, то единство помогало друзьям избежать множества крупных неприятностей, которые приходились на долю одиночек.

Дружбу удалось сохранить, Сквозняков уgomонился, больше не устраивал подлянок своим приятелям.

Из дальнейшего наиболее ярким воспоминанием Григорьева стало их увлечение пиратством, возникшее, кажется, в третьем или четвертом классе. В стране только появились «видики», и один из фильмов был снят по мотивам книг Сабатини о капитане Бладе. А сравнительно неподалеку от дома ребят находился пруд, относительно небольшой и отравленный городскими отходами до такой степени, что там не водилась даже самая неприхотливая рыбешка вроде карасей. Зато рядом с прудом стоял заброшенный сарай и покосившийся забор, благодаря которым ребята сумели раздобыть несколько десятков досок. Доски скрепили поперечными брусками, и в итоге вышло два корявеньких плота, за неимением лучшего сошедших за пиратские каравеллы.

О вооружении разговор особый. Уж очень хотелось ребятам сделать хотя бы некое подобие корабельных пушек. И они сообразили. Отец Ефимова принес с работы пару метров резинового бинта. Так, на всякий случай, авось в хозяйстве пригодится. Бинт долго валялся без дела, и Виктор сумел умыкнуть около метра. Нашли парочку крепких рогулин, из них смастерили здоровущие рогатки. Далее последовал набег на заброшенный сад, когда-то принадлежавший колхозу, чьи земли успешно поглотил наступающий город. Дело было в июле, ребята затарились зреющими яблоками. Они заменили пушечные ядра. Все было готово к новой пиратской одиссее.

Разбились на команды. Одну составили Виктор и Олег, вторую – Игорь с Алексеем. Звонцов оказался удачливым стрелком. Едва соперники отплыли от своего берега, он выпустил первое яблоко, угодившее в грудь Ефимову. Сквозняков, выполнявший у соперника роль бомбардира, выстрелил в ответ, но снаряд пролетел в метре от плота. Звонцов продолжил обстрел. Все его яблоки ложились точно в цель, а Сквозняков все не мог пристреляться. Наконец один из снарядов угодил точно в лоб Виктору. Тот обозлился и погнал свой плот на сближение, надеясь, что в дуэли на близком расстоянии его напарник будет поражать цель так же метко, как и Олег. По малолетству Ефимов забыл об инерции и ничтожной маневренности самодельного плота. Скоростенку он набрал, как у неспешного пешехода, однако Игорь, тоже охваченный азартом разгоревшегося сражения и вынужденный уворачиваться от обстрела Сквознякова, с критическим уменьшением дистанции все чаще попадавшим в цель, слишком поздно заметил опасность. Он начал уводить свой плот и почти успел, но все же боковой удар состоялся.

Утлые суденышки основательно трянуло, раздался настораживающий треск. Крайняя доска плота Виктора и Олега раскололась надвое, брус, скреплявший конструкцию, ушел вверх, освобождая часть досок. Теперь они были закреплены только с одной стороны, и плот начал расходиться, словно веер. Первым в воду шлепнулся Ефимов, за ним последовал Сквозняков. Но Григорьев этого не видел: при столкновении он потерял равновесие и свалился с плота. Некупаным остался только Звонцов, который поначалу растерялся, но затем опомнился, выудил плавающий рядом шест и подплыл к Григорьеву. Тот попытался выбраться из воды, однако державшийся на честном слове плот был мало приспособлен для такого рода испытаний.

– Ладно, греби к берегу, я буду держаться, – крикнул Игорь.

По дороге Звонцов подобрал Олега, как выяснилось, не умеющего плавать и державшегося за обломки своего плота. Ребята кое-как выбрались на берег, все мокрые и пахнувшие какой-то химией. К их счастью, день выдался жарким, и они сумели худо-бедно просушить свою одежду, прежде чем настало время возвращаться домой.

Мать крепко отругала Игоря, поскольку брюки и рубашка были сплошь покрыты разноцветными пятнами и отвратительно пахли. Их так и не удалось до конца отстирать. Отец же отнесся к приключению сына добродушно и с улыбкой сказал жене:

– Успокойся, мать, у тебя же парень растет. Помню, я в его годы, даже чуть постарше, тоже из-за одного фильма натворил немало глупостей. Едва от милиции увернулся.

Игорь заинтересовался словами отца, надел на него с вопросами, и тот рассказал довольно занимательную историю. Много лет тому назад телевидение только начало входить в дома советских граждан. Большинство передач носило пропагандистский характер, и даже детские программы исподволь прививали малолеткам мораль строителя коммунизма. На этом фоне художественная лента «Крестonosцы», показанная по чьему-то недосмотру, оказала на неокрепшие умы школяров громадное психологическое воздействие. Детишки начали срочно вооружаться, подражая средневековому рыцарству. Коней взять было негде, о кольчуге тоже оставалось только мечтать, зато мечи и щиты при некоторой изворотливости ума можно было сварганить из подручных материалов. Отец Игоря, к примеру, отыскал на свалке крышку от большого бака и почти метровой длины и пятисантиметровой ширины металлическую полосу. Крышка без всякой переделки сошла за щит, а с полосой пришлось повозиться. Почти неделю отец, возвращаясь со школы, вместо игр во дворе упорно обрабатывал заготовку напильником. Зато меч получился почти как настоящий, с рукояткой и острым лезвием. На пробах он легко перерубил ствол деревца сантиметров пяти в диаметре. Отец прятал меч за шкаф, моля бога, чтобы его не обнаружили. Все обошлось.

События тем временем подходили к своему апофеозу. Пока еще мальчишки, разбившись на пары, фехтовали друг с другом, но уже их школа договорилась с соседней о большом сражении. Согласовали время и место.

По словам отца, на большой школьный стадион с обеих сторон вышло человек триста.

– Хотя, быть может, за давностью лет мне изменяет память, и я преувеличиваю число бойцов, но максимум раза в полтора, – добавил он.

Отец находился в первых рядах, и неизвестно, что бы он натворил со своим любовно изготовленным оружием, но кто-то из жителей соседних домов заметил в окно толпу ребят и вызвал милицию. Те явились очень быстро. Дальнейшие события развивались еще быстрее. Храбрые воины, духовные наследники славнейших рыцарей Запада и Востока, далекие потомки Ричарда Львиное Сердце и Ильи Муромца, ударились в паническое бегство, едва завидев суровых людей в форме. Усвистал в толпе и отец Игоря, обронив по дороге свое оружие, чтобы быстрее пятки сверкали. Милиция на всякий случай задержала нескольких человек, главным образом ребят постарше, и провела с ними воспитательную беседу. Разговор получился достаточно содержательным, и с того дня могучее движение крестonosцев одним махом сошло на нет.

Еще до эпопеи с плотами произошло одно событие, которому поначалу друзья не придали особого значения. Сквозняков записался в секцию самбо. Прошло несколько месяцев. В нормальном споре школяров о том, кто сильнее, боксер или борец, Олег уверенно заявил:

– Самбист всех заламает.

Ефимов незамедлительно выразил сомнение, Сквозняков в ответ заявил:

– Смотри, я тебе сейчас покажу один приемчик.

Наверное, Виктор заранее обрек себя на роль мальчика для битья, иначе сложно объяснить тот факт, что только постигавший азы самообороны без оружия Олег сумел так четко и грамотно провести прием. Ноги Виктора мелькнули в воздухе, он грянул о землю, издав звук, напоминавший обиженное хрюканье.

– Ух ты! – сказал Григорьев. – Ловко у тебя получилось. А если на тебя нападут сзади?

Он тут же от слов перешел к делу. Сквозняков не успел опомниться, как Игорь очутился у него за спиной, ухватил рукой за шею и начал валить на землю. Олег принялся сопротивляться, однако его судорожные движения мало напоминали умелые действия представителя одного из весьма эффективных единоборств.

– Дурак! – поднимаясь с земли, бросил Сквозняков. – Я же только начал заниматься. Мы долго учили разные правильные движения и только сейчас перешли к приемам. Посмотришь, что будет через год. Я тебя так крутану, что на дерево улетишь.

– Смотри, как бы я тебя не крутанул, – парировал Игорь.

И тут Олег привел аргумент, неотразимо подействовавший на приятелей, поскольку какой же мальчишка не мечтает быть сильнее всех, особенно старших ребят, которые могут походя, между делом, отвесить младшему подзатыльник.

– С нами занимается сын тренера. Он уже давно тренируется. Он сейчас учится в третьем классе, а запросто валяет шестиклассников.

Дело приняло совсем другой оборот. Друзья живо заинтересовались борьбой, которая позволяла эффективно защищаться от старших мальчишек. На следующее занятие они пошли вместе с Олегом. Тренер проверил их физические кондиции и хотел было выставить Звонцова, но посмотрел на лица остальных ребят и позволил Алексею остаться. Он был хорошим тренером, понимающим психологию мальчишек.

Первые занятия сильно разочаровали друзей. О лихих приемах не было даже речи. Их заставляли бегать, прыгать, отжиматься – все, как на обычных уроках физкультуры. А еще учили падать, долго, упорно, заставляя раз за разом шлепаться на маты. Тренер старался выработать у своих подопечных автоматизм, благодаря которому в будущем самбисты избежали бы многих травм. Он подробно объяснил, для чего мальчикам тратить столько времени на довольно однообразные упражнения, но юность страшно нетерпелива, и ей свойственно воспринимать больше чувствами, чем умом.

Первым бросил тренировки Ефимов. Ему надоело ждать, когда же наконец они начнут бороться, к тому же он был сильнее большинства сверстников и надеялся решать свои проблемы без самбо.

Вторым откололся Сквозняков. Точнее – его отшили самбисты. Сказалась подленькая натура Олега. Его мелкие каверзы по отношению к товарищам поначалу вызывали лишь легкое раздражение, но оно все усиливалось, росло, и, наконец, очередной проступок переполнил чашу терпения. Ребята пригрозили Олегу расправой, если он не уйдет сам.

Последним выбыл Звонцов. Вечно слабейший, Алексей очень хотел набраться сил, чтобы без помощи друзей, самому давать острастку обидчикам. Но судьба оказалась против. Дважды за год Звонцов получал травмы. Причем во второй раз он сломал руку. Слабохарактерному Звонцову этого хватило, чтобы навсегда завязать с самбо.

Так Григорьев оказался в одиночестве. Точнее, без своих закадычных приятелей. Новых знакомых хватало, с некоторыми из них Игорь поддерживал отношения еще много лет. В секции среди ребят своего возраста Григорьев оказался самым способным и часто выступал на соревнованиях. Увы, в других секциях хватало еще более талантливых ребят, чаще всего Игорю приходилось довольствоваться пресловутым олимпийским девизом «Главное не победа, а участие», хотя несколько раз ему удавалось добираться до призового места, а однажды он сумел выиграть городские соревнования. Но тогда главные фавориты участвовали в международном турнире, поэтому, кроме медали, выкрашенной под золото, гордиться Игорю было особо нечем.

С течением времени он все больше ощущал некоторую ущербность. Уже прошло негласное деление на подающих надежды и просто занимающихся, Григорьев практически перестал участвовать в соревнованиях. Он лишился того, что составляло смысл спорта, – духа соперничества, возможности в честной борьбе оказаться сильнейшим. Фактически из спортсмена Игорь превратился в физкультурника.

Зато тренировки позволили ему стать безоговорочным лидером своей компании. У мальчиков до определенного возраста почти всегда так бывает: кто сильнее, тот и главный. Между собой они почти не дрались, возникавшие споры редко доходили до конфликтов, но и тогда

чаще всего их удавалось разрешить мирным путем. Однако шуточную борьбу затевали регулярно, и где-то после года тренировок Григорьев неизменно выходил в ней победителем.

С этого момента их дружба дала трещину. Честолюбие Ефимова было сильно задето. Его и раньше трудно было назвать лидером четверки, скорее первым среди равных, поскольку авторитет Григорьева в команде если и уступал авторитету Виктора, то самую малость. Теперь же Ефимов ушел в тень и быстро сошелся с Олегом, которому время от времени доставалось от Игоря на орехи. Внешне четверка оставалась такой же дружной и сплоченной, но внутри ее уже зрели конфликты. Избежать их удавалось прежде всего благодаря Звонцову, на удивление удачно игравшему роль миротворца. Привыкший находиться под защитой своих друзей, Алексей очень боялся остаться в одиночестве, без надежного прикрытия. Ему казалось, что тогда весь мир ополчится на него, хотя на самом деле он был вроде неуловимого Джо, неуловимого лишь потому, что никому он не нужен.

И еще один человек до поры до времени удерживал друзей от разлада. В четвертом классе, когда ребята возвращались с уроков, над их головами пролетел самолет. Он шел очень низко, мальчики смогли хорошо его разглядеть, а Звонцов опасливо сказал:

– Может, он сейчас упадет?

– Нет, это «Ил», а мне отец говорил, что «Илы» – наши самые надежные самолеты, – авторитетно заявил Сквозняков.

– Это не «Ил», а «Ан», – раздался за их спинами девчоночий голос.

Друзья обернулись.

– Сама ты «Ан», – обидчиво сказал Олег.

– Я – Вера, а самолет «Ан», – мгновенно парировала незнакомка.

– Услышала одно название и теперь лезет. Что вообще могут понимать девчонки в самолетах, – продолжил возмущаться Сквозняков.

– Мой отец летчик, – коротко объяснила девочка.

Олег сконфуженно замолчал, остальные ребята с интересом посмотрели на Веру. В то время быть летчиком было почти так же престижно, как в девятые рэкетиром. Круче были только космонавты, а на уровне с летчиками еще несколько профессий. Слова девочки резко изменили ситуацию. Ведь ее могли отогнать, а то и подергать за косички, если бы таковые обнаружили, за то, что осмелилась вмешаться в спор мальчишек. Теперь же к Вере отнеслись благосклонно и даже с некоторым уважением. У ребят четверки даже среди отдаленных родственников не было ни одного летчика.

Так завязалось знакомство, которое Вера закрепила через несколько дней, пригласив ребят к себе в гости. Жила она в соседнем доме и была на год младше, поэтому раньше мальчики ее не замечали. А Вера, наоборот, приглядывалась к этим дружным ребятам, поскольку по наследству от отца ей достался неугомонный, даже отчаянный характер. Девчоночьи игры ей быстро приедались, Вере хотелось составить компанию мальчишкам, но ее пару раз категорически отшивали. История с низко пролетающим самолетом подвернулась весьма кстати.

Поначалу квартира летчика друзей разочаровала. Так всегда бывает, когда ждешь слишком много. Но потом они нашли в ней кое-что интересное. За свою жизнь отец Веры успел облетать значительную часть Советского Союза. В последнее время он совершал рейсы в Среднюю Азию, до этого побывал на Дальнем Востоке. Мальчики с интересом разглядывали различные сувениры, привезенные из Ташкента, затем переключились на дальневосточную коллекцию морских обитателей. Она была невелика, но выглядела очень экзотично. Григорьев, у которого в Одессе жил двоюродный брат отца, побывал на Черном море, однако там обитала совсем другая живность. Верин отец привез морскую звезду и морского ежа, еще каких-то загадочных тварей, купленных в магазинах Владивостока. Но больше всего ребят потрясла огромная медвежья шкура, лежавшая на полу в гостиной. Вера рассказала, будто отец убил зверя на охоте. Соврала, конечно, но обман раскрылся только много лет спустя.

Девочка добила своего. Друзья не гнали ее из своей компании, хотя и особого восторга не выказывали. Исключение составляла игра в футбол. Гонять мяч у Веры получалось довольно прилично. Конечно, хуже, чем у Григорьева, лучшего игрока компании, но получше, чем у явного аутсайдера Сквозняка. Выяснилось это случайно, когда во дворе собралось девять человек, желающих сыграть в футбол. Не помешал бы еще один, но друзья решили сражаться вчетвером. И тут Вера попросила:

– Возьмите меня.

– Ты нам будешь только мешать, – снисходительно бросил Ефимов.

– Давайте попробуем. Пусть станет на ворота, – высказался Сквозняков, которому, как самому плохому футболисту, вечно доставалась роль голкипера.

– На ворота нельзя, в нее еще мячом попадет, – возразил Григорьев, подразумевая, что боль от удара заставит девочку расплакаться. – Пусть станет в защиту.

– А мне все равно, – подытожил Звонцов, и Вера большинством голосов была принята в команду.

Уже через минуту мяч отскочил к ней в центре площадки. Перед Верой оказался единственный игрок противника, отнесшийся к ней излишне самоуверенно. Он с ленцой выставил ногу, ожидая, когда мяч сам к нему прикатится. А Вера шустро увела мячик в другую сторону и легко проскочила мимо не ожидавшего такой наглости мальчишки. Тому лишь оставалось смотреть, как она пнула мяч, мимо вратаря закотившийся в ворота.

– Ты где так научилась? – удивленно спросил Игорь.

– Играла с папой, – скромно ответила Вера.

После забитого гола противник стал относиться к девочке с должным уважением, и у Веры гораздо реже получалось обыгрывать ребят, но еще пару голов она забила. Хотя ничего удивительного в этом не было: почти все дворовые матчи заканчивались с двузначным счетом. После этого друзья охотно брали ее в свою команду, хотя временами присутствовала явная дискриминация по половому признаку. Бывали случаи, когда игра шла четыре на четыре, и здесь всегда место в команде доставалось Олегу. Да, он играл хуже, но был мальчиком.

При этом Вера оставалась полноправным членом компании, только с большей автономностью. Если друзья вчетвером оказывались на улице, они всегда собирались вместе. А вот Вера могла и отколоться, если девочки, по ее мнению, нашли какое-то интересное занятие.

Зимой она вообще куда реже находилась в компании друзей. Слишком экстремальными для нее были их главные игры. Вера попробовала сыграть в хоккей, но тут же оставила это сомнительное занятие. Мальчишки в азарте сильно толкались, невзирая на лица, и девочка не могла им ничего противопоставить. Дважды за какую-то минуту очутившись на льду, Вера окончательно потеряла интерес к любимому зимнему спорту русских мужчин. Играть в снежки она даже не пыталась. Выпущенный ее рукой снаряд летел гораздо слабее, чем у ребят. Зато однажды Вера помогла друзьям построить снежную крепость, которая благодаря ее терпению и женскому вкусу получилась геометрически правильной и с удобными бойницами.

Но главный ее поступок, который позволил ей навсегда закрепиться в мужской компании, не имел никакого отношения к детским забавам. Дело было в конце учебного года, друзьям предстояла итоговая контрольная по математике. Хотя им о ней объявили заранее, контрольная, как водится, застала учеников врасплох. Особенно разволновался Звонцов, у которого в трех предыдущих четвертях были две четверки и тройка, а в этой тройки и четверки распределились примерно поровну, и от оценки за контрольную зависела годовая оценка.

– Если я получу тройку, отец с меня шкуру спустит, – пожаловался он.

– Кто мешал тебе нормально подготовиться? – безжалостно спросил Ефимов.

– Заигрался, – честно признался Алексей. – Мне хотя бы денек, я бы успел все выучить. Но денька не было, до начала контрольной оставалось около часа.

– На денек отложить можно, – вдруг сказала Вера, затесавшаяся в компанию мальчиков.

– Как? – с надеждой уставился на нее Звонцов.

– У меня есть двоюродный брат, он сейчас учится в университете. Так он рассказывал, что если к лампочке положить сухую тряпку, то она загорится, и лампочка взорвется.

– А я сегодня дежурный по классу, – задумчиво сказал Ефимов. – Тогда ваше дело достать тряпки, а мое – их подложить.

Как уже говорилось, их школа была старой, и освещалась она по старинке – не люминесцентными лампами, а обычными лампочками накаливания.

Еще до начала первого урока Звонцов умудрился раздобыть большую сухую тряпку. Ее разорвали на шесть маленьких. На перемене Виктор решительно выставил из класса весь народ, лицемерно заявив:

– Я буду проветривать. На контрольной для мозгов нужен свежий воздух.

Началась математика. Звонцов пробежал глазами полученное задание, и больше всего на свете ему захотелось, чтобы задумка Веры сработала. Совершенно точно он знал решение только одной задачи.

Время шло, дети корпели над работой, и казалось, что уже ничто не спасет Алексея от родительской порки. Вдруг раздался хлопок, и на пол посыпались осколки.

– Что? В чем дело? – заволновалась учительница.

И тут один за другим раздались еще два хлопка. Кто-то охнул, кому-то осколок стекла до крови порезал щеку. В воздухе ощутимо запахло гарью, неповторимым ароматом загоревшихся тряпок.

– Дети, быстро из класса. Только без паники!

Последние слова не возымели ни малейшего действия, в дверях образовалась толкучка, каждый норовил побыстрее вырваться на свободу. И вовсе не из страха перед загадочными хлопками. Школяры бежали от контрольной по математике.

Урок был сорван, Звонцов получил дополнительное время для подготовки и, что довольно редко случается, использовал его с пользой. Новую контрольную он сумел написать на четверку.

А устроителей диверсии так и не нашли. Многие одноклассники догадывались о личностях диверсантов, но помалкивали. Одни, побаиваясь друзей, другие из чувства солидарности учащихся. Вера после этого случая стала для друзей своим парнем. Хотя это быстро изменилось по вполне естественным причинам.

Глава 3

Все лето Игорь провел в разъездах. Сначала его сплавили в деревню, к бабушке, а потом, словно в компенсацию за бесцельно прожитое время, отправили к одесской родне. Там юноша оттянулся на всю катушку после унылой, слишком монотонной для городского жителя деревенской жизни. Компанию Игорю составлял его племянник, бывший на два года старше своего дядьки. Наверное, многим знакомы такие генеалогические шуточки. Племянник уже покуривал втайне от родителей и выпивал с друзьями. Он и дядьку хотел приобщить к вину с сигаретами, но Игорь, еще занимавшийся самбо, осознанно придерживался здорового образа жизни. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что перед отъездом ему пришлось выпить самодельного виноградного вина и оно ему даже понравилось.

У своего племянника Игорь был в авторитете благодаря тому же спорту. На юге Григорьеву ни разу не приходилось использовать свои знания, однако племяннику достаточно было словосочетания «перворазрядник по борьбе самбо», чтобы признать за своим дядькой превосходство.

Жили они на краю дачного поселка где-то в полукилометре от берега моря. Родители племянника до середины августа работали, живя на даче только по выходным, и ребята по большей части были предоставлены самим себе. За ними изредка приглядывали жильцы соседней дачи, чета пенсионеров, но главная их забота сводилась к тому, чтобы мальчики были накормлены и тихо вели себя по ночам.

Большую часть времени юные родственники проводили на море. Вода под Одессой прогревается медленнее, чем в Крыму, но ко второй половине лета становится вполне комфортной для купания. За одним исключением. Иногда в сильный шторм водные массы перемешиваются, и у берега оказывается холодная вода. Игорь этого не знал. За все время, пока он жил на даче, была лишь парочка дождливых дней, а тут разразился настоящий ливень с сильным ветром и штормом. На следующее утро вновь засияло солнышко, исчезли все тучи. Молодые люди отправились к морю, в котором не было ни одного купающегося. Но Игорь по неопытности проигнорировал этот факт, он быстро забежал на мол, который возвышался над водой. Там, где мол заканчивался, глубина была несколько метров, и Григорьев обожал с высоты нырять в море.

Племянник, знавший о том, какие вещи происходят после штормов, молчал, с интересом наблюдая за дальнейшим развитием событий. Сильно оттолкнувшись, Игорь вошел в воду. Сначала ему показалось, что он слегка обжегся, затем все тело сковал холод. Григорьев вынырнул на поверхность и торопливо погреб к сходящим. Племянник на всякий случай бочком-бочком ретировался с мола. Он понимал, что бить его дядька не станет, но мокнуть в море может. А вода там двенадцать градусов, купание в ней – сомнительное удовольствие.

Через несколько дней все вернулось на круги своя. Игорь наслаждался купанием, замечательным отдыхом, и лишь одно омрачало его радостное настроение: дни летели быстро, и каждый прошедший неотвратимо приближал возвращение домой, а там и учебу.

Тридцатого августа он вышел из вагона поезда на перрон, где его встретил отец. Дома Игорь долго не задержался. Ему не терпелось встретиться с друзьями после без малого трехмесячной разлуки. Звонцова и Ефимова он нашел во дворе лениво наблюдающими за воробьями, воровавшими из-под носа у голубя хлебные крошки. Рядом с ними стояла очень красивая девочка. Правильное лицо с огромными карими глазами было обрамлено густыми волосами пшеничного цвета. Чуть вздернутый носик и алые губки придавали ей особое очарование. Игорь не сразу понял, что это Вера, разительно изменившаяся за три летних месяца. Хотя на самом деле перемены были не так велики. Просто Вера почувствовала себя представительницей прекрасной половины человечества. Она избавилась от мальчишеской прически, немного

отрастив волосы, чуть похудела, а в движениях ее вместо угловатости появилась женственная грация. Этой малости хватило, чтобы из пацанки превратиться в очаровательную девушку.

Игорь даже заробел, на время потерял дар речи. Ситуацию исправили Виктор с Алексеем, радостно бросившиеся к другу. Через минуту Григорьев уже рассказывал о поездке на море, постоянно оглядываясь на Веру и пытаясь определить, какой он производит на нее эффект.

Началась учеба. Все повзрослели, на место бесхитростных детских забав пришли другие увлечения, и Вера стала отдаляться от ребят. Игоря это сильно огорчало. Впервые за свою жизнь он по-настоящему влюбился. До этого были какие-то смешные увлечения, детские ухаживания, из которых лишь одно завершилось робким поцелуем. Все они довольно быстро забылись, и ни одно из расставаний не оставило в душе мальчика хоть сколько-нибудь заметной печальной отметины.

Тут было совсем иначе. Каждая встреча с Верой становилась для Игоря настоящим праздником, и он сильно переживал, что эти встречи происходят все реже. Григорьев искал любой предлог для того, чтобы оказаться рядом с Верой. Доходило до смешного. Как-то он позвонил ей и спросил, что они проходят по физике. Услышав ответ, Игорь сильно обрадовался:

– Вот здорово! А то нам велели повторить эту тему, а у меня куда-то девался учебник за прошлый год. Я к тебе подойду, можно?

– Подходи, – охотно согласилась девочка.

У Веры Григорьева ждал неприятный сюрприз. Там находился Виктор. О физике мигом забылось, Игорь принялся выяснять, как Ефимов оказался у девочки. До рукоприкладства дело не дошло, однако неприятный осадок остался.

Соперничество продолжилось на дне рождения Сквозняка, куда вместе с ребятами была приглашена и Вера. В разговорах, завязавшихся, пока ребята сидели за столом, Виктор избрал хитрую тактику. Он сидел с многозначительным видом и только вставлял реплики, когда говорил Григорьев. Ефимов мог одержать победу в понятном только им с Игорем словесном поединке, если бы осуществил задуманное. Он пытался вставлять остроумные фразы, но выходили только жалкие потуги на юмор. Игорь несколько раз удачно парировал и тем самым окончательно свел на нет затею конкурента.

Кроме Веры, Олег пригласил еще двух девочек, и они устроили танцы под стереомагнитофон. Тут Ефимов сделал попытку отыграться. Он танцевал лучше Игоря и надеялся, что Вера предпочтет более опытного партнера. Но поскольку оба мальчика наперебой приглашали только ее, Вера приняла самое логичное решение: она танцевала с ребятами по очереди. Григорьев изнывал от ревности, видя, как она во время танца о чем-то шепчется с Виктором. Никогда еще ему так не хотелось от души врезать своему другу по физиономии. Наверняка аналогичные чувства испытывал и Ефимов, когда Игорь шушукался с Верой. А впереди его ждало еще большее огорчение.

Когда подошла очередь Виктора, девушка вдруг сказала, что хочет отдохнуть, и села рядом с Игорем, уже приготовившимся с возмущением наблюдать, как Ефимов держит за талию его избранницу. Григорьев тут же воспользовался благоприятной ситуацией и завел какой-то случайный разговор, лишь бы удержать внимание девочки. Вера разговор охотно подхватила, и они долго болтали, игнорируя Виктора, устроившегося в сторонке. В конце беседы Игорь сделал предложение, которое делают тысячи ребят понравившимся им девочкам. Он пригласил Веру в кино. И девочка не стала уточнять, на какой именно фильм, она охотно согласилась.

Они пошли на один из американских боевиков, которые могучим цунами хлынули в страну, едва рухнул железный занавес. Не имело абсолютно никакого значения, что за фильм шел на экране. Главное было потом, когда Игорь провожал Веру домой. Они остановились под деревом, росшим у футбольной площадки, и начали неумело целоваться, получая от этого безумное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Инстинкт подтолкнул Григорьева на более решительные действия, но Вера была девушкой разумной, и она деликатно пресекла поползновения кавалера, вернув его руку себе на плечо. Игорь мог бы стоять под деревом до утра, но Вера посмотрела на свои часики и грустно сказала:

- Мне пора, а то мама будет ругаться.
- А когда мы опять встретимся?
- Когда захочешь.
- Тогда давай завтра.
- И что мы будем делать?
- Не знаю. Если тебе понравилось, то снова целоваться.
- Хорошо. Мне понравилось. Мне с тобой все нравится.
- Правда?
- Честное слово.
- Тогда я тебя провожу, а завтра мы снова встретимся.

Глава 4

В старших классах Григорьева подстерегло еще одно увлечение. Со всей страстью юности он занялся различными техническими, прежде всего электронными, устройствами. Он и раньше интересовался тем, как работает телевизор или проигрыватель. Когда окончательно пришел в негодность их черно-белый «Сигнал», отец отдал его сыну на растерзание. Игорь увлеченно копался во внутренностях телевизора, но его больше интересовали детали как таковые, а не их предназначение. Немного повзрослев, Игорь начал главное внимание уделять тому, почему работает та или другая вещь. Времена настали тяжелые, из-за безденежья и дефицита люди стали особо дорожить имуществом, отслужившую свое технику найти стало практически невозможно. Игорь больше подковывался теоретически, редко ему удавалось выпросить у отца с матерью денежку, чтобы купить необходимые ему детали. Все же по чертежам из журнала он собрал одну забавную игрушку. Этот маленький прибор, состоявший из двух частей, привел в восторг его приятелей. Если присоединить одну его часть, принимающую сигнал, к телевизору, то, нажимая на вторую – пульт, можно было включать телевизор и даже щелкать с канала на канал. Во время демонстрации Игорь сказал, что на Западе уже выпускают серийные телеприемники с дистанционными пультами. Ефимов тут же засомневался, возразив, что у нас ходит слишком много баек про чудеса западной техники и трудно разобрать, где правда, а где ложь. В последнее время Виктор часто подвергал сомнению слова Григорьева, таким образом выражая свое отношение к удачливому конкуренту. В целом же он с видимым достоинством воспринял свое поражение в соперничестве за женскую благосклонность и, когда стало ясно, что Вера предпочла Игоря, молча отошел в сторону.

Отношения с девушкой у Григорьева оставались на том же уровне. До прихода в страну великой сексуальной революции оставалось несколько лет, нравственность еще не собиралась уступать завоеванные позиции свободе любви, и Вера крепко берегла свою чистоту. Сейчас это может показаться невероятным, но все без малого два года отношений молодые люди довольствовались поцелуями и нежными объятиями. А ведь они часто оставались друг с другом наедине, и соблазн до конца познать друг друга был очень велик. Но Вера сразу дала понять, что хочет дождаться свадьбы.

Они часто говорили на эту тему. Больше всего беседовали насчет сроков, хотя они уже давно были определены. Жениться решили сразу же, как Вера закончит школу. Существовал один нюанс. Для этого Игорю надо было поступить в институт, иначе заключение брака могло отложиться на два армейских года. Но Григорьев был твердо уверен, что он поступит. А как иначе, если поступление касалось двух главных страстей его жизни: любви к Вере и увлечению техникой. Девушка считала так же.

– Скорее бы я закончила школу, – часто вздыхала она, тем самым подчеркивая, что вопрос поступления возлюбленного в институт для нее даже не возникает.

Завершилась учеба, прошли экзамены, промелькнул выпускной вечер. Друзья оказались на пороге совершенно новой, почти самостоятельной жизни. Немного отдохнув после напряженной учебы, Игорь начал готовиться к экзаменам в РТИ. Впереди было два месяца, и он частенько отрывался от занятий. Вера уехала с родителями, поэтому Григорьев развлекался вместе с друзьями. Однажды они отправились на озеро, где познакомились с компанией девушек. Тех было четверо, ровно столько, сколько и ребят. Игорь не придавал этому факту никакого значения, он не собирался заводить легкую интрижку. Ему была нужна только Вера. Однако в будущем эта поездка сыграла свою отрицательную роль. Ребята захватили с собой колоду карт. Играли в дурака, разбившись на пары, а поскольку их оказалось восемь человек, две пары постоянно находились вне игры. Благодаря этому и произошел серьезный разговор с Ефимовым. Начал его Виктор с безобидного вопроса:

- А ты все учишься? За десять лет не надоело.
- Надоело. Только лучше учиться, чем от звонка до звонка пахать на заводе.
- Учеба разная бывает. Какой смысл в твоём техническом образовании?

Игорь даже растерялся от такого вопроса. Технику он считал венцом прогресса человечества, а остальные профессии в чём-то немножко ущербными. Разве можно сравнить какого-нибудь химика, агронома и уж тем более историка с создателем компьютеров или конструктором ракет? Это же как небо и земля! Григорьев начал объяснять свою точку зрения, но Ефимов язвительно перебил его:

- Ракеты – это хорошо, но откуда ты деньги возьмешь?
- С зарплаты, – после короткой паузы ответил Игорь.
- С зарплаты, – насмешливо повторил Виктор. – Вот будешь ты инженером или ученым. Знаешь, какая у них сейчас зарплата? Курам на смех.

– Надо учиться на бизнесмена, – встрял Сквозняков, только закончивший партию в карты.

- А еще лучше на рэкетира, – едко бросил Григорьев.
- К сожалению, на рэкетиров нигде не учат, – грустно сказал Олег.
- Почему же? В институте физкультуры.
- При желании ты бы мог пойти туда учиться.
- Нет у меня такого желания.

– Лучше всего учиться на чиновника. У них была, есть и будет реальная власть, а значит, и деньги. Бандиты рискуют своими жизнями, бизнесмены – жизнями и деньгами. Только чиновники ничем не рискуют и обеспечивают себя на всю жизнь, заняв тепленькое местечко, – заявил Виктор, явно повторяя услышанные от взрослых слова.

– Заниматься работой, которая мне противна, только ради денег? Нет, я на такое никогда не соглашусь! – с юношеским задором воскликнул Игорь.

– Ну и будешь экономить жалкие копейки, не сможешь жене даже новых колготок купить. – Тут все друзья поняли, на кого намекает Ефимов.

- Григорьев нервно сжал руки в кулаки, а Звонцов примирительно сказал:
- Хватит вам считать чужие деньги, лучше идемте купаться.

Игорь успокоился, но твердо запомнил одну вещь: Ефимов только делает вид, что забыл о Вере, на самом деле он ждет благоприятного момента для реванша.

- У тебя никогда не будет такой возможности! – мысленно пообещал другу Игорь.

Время пролетело быстро, начались вступительные экзамены. Абитуриентов разделили на два потока, а потоки на группы. Удивительно, но в группе Игоря девочек оказалось больше, чем ребят. И это в такой сугубо «мужской» институт, как РТИ. Но даже Григорьев заметил, что девочек валили как могли. К ним предъявляли завышенные требования и ставили заниженные оценки. Такой подход можно было понять. Девочкам с их природной усидчивостью легче зазубрить школьную программу, но, когда дело касается творческой мысли, нестандартного решения вопросов, преимущество оказывается на стороне мальчиков. Кроме того, представители сильного пола традиционно котировались выше.

Но Игоря никто не тянул за уши. Он сам хорошо сдал экзамены и набрал проходные баллы. Из ребят, поступавших вместе с ним, осталось только двое. Они и держались первое время вместе, пока не раззнакомились с остальными свежееиспеченными студентами факультета. Процесс этот занял несколько месяцев. Пятикурсники, еще заставшие советские порядки, рассказывали, что они подружились гораздо быстрее благодаря месяцу, проведенному на картошке. Там студенты жили вместе, постоянно общались и благодаря непрерывной тусовке узнали друг друга так же хорошо, как за целый год совместной учебы.

Институтские занятия показались Игорю в диковинку. Никаких вызовов к доске, никаких оценок. Половину времени занимали лекции, которые конспектировали только усердные

студенты. Значительная часть курса воспринимала лекции как вольное времяпрепровождение. Одни читали книжки, другие, убрав звук, развлекались только появившимися электронными игрушками, третьи дремали.

Игоря трудно было отнести к одной из этих категорий. Некоторые, интересные ему лекции он тщательно конспектировал; когда наступало время других, перебирался на заднюю парту, где тихо шушукался с новыми приятелями.

Гораздо больше ему нравились практические занятия. Да, они были посвящены конкретным темам, но оборудование лабораторий позволяло Григорьеву импровизировать, часть времени занимаясь своей работой. Однажды Игоря застукал преподаватель, но вместо ожидаемого разноса изучил полузаконченное творение Григорьева, мигом нашел ошибку в схеме и назидательно заметил:

– Вот именно для этого, молодой человек, мы и обучаем вас основным практическим принципам. Тогда вы сможете избежать типичных ошибок и будете совершать только собственные. Хотя идея ваша довольно интересная. Мне нравится, как вы мыслите. Конечно, рано загадывать, но, когда на третьем курсе начнется распределение по кафедрам, я бы хотел видеть вас у себя.

Преподаватель накаркал, хотя начало истории, развернувшейся далее, казалось, в худшем случае могло просто осложнить отношения Игоря с Верой. На их курсе училась некая Лариса Юдина, дочка весьма обеспеченных родителей. Через несколько лет таких, как она, начали отправлять в Кембриджи и Сорбонны, а пока устраивали в самые престижные отечественные вузы, но Лариса, девочка упертая и самостоятельная, захотела получить именно такую специальность. Она пыталась быть скромной, хотела не выделяться из толпы, но глазастые однокурсники заметили, что Ларису подвозят на дорогой иномарке к углу соседнего здания, откуда она идет в институт пешком. Ее одежда для знающих людей тоже многое говорила о социальном статусе Юдиной, она стала самой обсуждаемой персоной на курсе. Как-то само собой вокруг Ларисы обозначилась стайка прихлебателей, в основном из девочек, и, как поговаривали, некоторым, готовым продать душу за шмотку с известным лейблом, она отдавала свои поношенные или вышедшие из моды вещи.

Юдина была не только богата, но и хороша собой, однако для Григорьева это не имело никакого значения. На данном жизненном отрезке из девушек для него существовала только Вера. А вот Ларисе Игорь очень даже приглянулся. Откровенно говоря, только при богатой фантазии Григорьева можно было назвать красавчиком, мачо, покорителем женских сердец. Он был симпатичным молодым человеком, и не более того. При большом желании Юдина могла найти себе настоящего плейбоя вроде тех, что белозубо улыбаются с рекламных плакатов табачных, автомобильных и других компаний. Но почему-то она зациклилась на Игоре, только его хотела видеть своим парнем. И стала оказывать ему знаки внимания, которые Игорь холодно проигнорировал.

– Да он просто дурак или равнодушный чурбан, – попыталась убедить себя Лариса.

Попытка оказались безуспешной, Григорьев все так же занимал ее мысли, и тогда девушка прибегла к хитрости. Игоря уже знали на курсе как мастера-любителя, собирающего разные приборчики и умеющего починить сломавшийся магнитофон или радиоприемник. У Ларисы как раз забарахлил «видик». Отец купил ей новый, а старый девушка хотела выбросить, но тут ей в голову пришла очевидная мысль. Запрятав вечером новый видеоманитофон, она поставила на его место старый и в перерыве между лекциями подошла к Григорьеву:

– Слушай, Игорь, у меня к тебе большая просьба. Мой «видик» сломался. Ты бы не мог его посмотреть.

– Могу, только я ничего не гарантирую. Наверное, тебе лучше обратиться в мастерскую.

– Ты же сам знаешь, какие у нас мастера. Они привыкли возиться с ламповыми телевизорами. Я боюсь доверить им японскую технику. А о тебе говорят, что у тебя золотые руки.

- Насчет золотых рук сильно преувеличивают. Так, ремонтирую по мелочам.
- Так может, у моего «видика» тоже какая-то мелочь. Заедь, посмотри.
- Хорошо, а когда?
- Хоть сегодня.
- Договорились.

Вечером Вера с родителями шла в театр, поэтому Игорь был свободен.

Одной, ничтожной цели Лариса добилась. У ее аппарата лопнул резиновый тросик, который Игорь поменял на запасной, лежавший в коробке с инструкциями и еще несколькими запчастями. Но в главном ее ожидало жестокое разочарование. После ремонта Лариса принесла кофе с изумительно вкусными пирожными и между делом завела разговор о личной жизни молодого человека. Поскольку Игорь отвечал уклончиво, Юдина спросила с подвохом:

- Твоя девушка красивая?
 - Самая красивая из всех, кого я знаю, – честно ответил Игорь.
- «Теперь все ясно. У него есть другая», – подумала Лариса.

Вообще-то она была почти уверена, что Григорьев крутит с кем-то любовь, но до последнего момента пребывала в наивном заблуждении, что сумеет одержать верх над соперницей. С тех пор как внезапно и очень сильно разбогател отец, Лариса всегда получала то, что хотела. Как говорится, к хорошему привыкаешь быстро. Юдина привыкла ни в чем не знать отказа, и слова Игоря повергли ее в шок. Женская интуиция подсказала Ларисе, что здесь дело серьезное и не помогут ни отцовские деньги, ни ее эффектная внешность. В лучшем случае удастся сподвигнуть Григорьева на маленькое эротическое приключение. Юдина уже знала нескольких мужчин, она лишилась девственности в девятом классе, и очередной мимолетный роман не доставил бы ей никаких неудобств. Она даже спала с женатым мужчиной, то есть имела опыт совместительства, который ее вполне устроил. Однако на этот раз короткий роман ее категорически не устраивал. Игорь был мужчиной ее мечты, и она хотела владеть им безраздельно. Желание было очень велико, у Ларисы даже мелькнула мысль о наемных уголовниках, которые бы за пару тысяч долларов изуродовали лицо девушки Игоря. Юдина оставила эту идею, немного испугавшись собственной кровожадности. Она решила завоевывать Игоря медленно, исподволь.

Первоначально Лариса думала использовать деньги. Она где-то слышала фразу: «Мужик – птица гордая, но, если его хорошо прикормить, становится ручным». Она истолковала ее таким образом: гордость не позволяет мужчине сразу воспользоваться чужим богатством, но в глубине души он этого страстно желает, и, если его прикармливать осторожно, деликатно, мужик рано или поздно к богатству прикипит, не сможет от него отказаться. Хотела бы Лариса посмотреть на мужчину, который положит на стол ключи от купленного ему «мерседеса» и пешком уйдет к своей нищей избраннице! И она решила осторожно, исподволь обрабатывать Григорьева.

У каждого свои заботы. Пока Игорь осваивался в институте, Звонцов готовился отдать Родине свой патриотический долг. Он не стал никуда поступать, понимая безнадежность этого мероприятия, и некому было отмазать его от армии. Проводы отмечались с поистине русским размахом, словно в пику набирающему ход обнищанию населения. Пришло человек сорок гостей, в том числе и трое друзей. Было одновременно весело и грустно. Впервые за многие годы друзья так надолго расставались с одним из своих товарищей. Они пытались шутить, но шутки выходили какие-то вымученные, натянутые. Старшее поколение было настроено куда оптимистичнее. Один из родственников Звонцова, отслуживший в танковых частях, ностальгически вспоминал:

– Поначалу было трудно, особенно с техникой. Танк ведь надо обслуживать, содержать в порядке. И не позовешь в часть маму с ведром и тряпкой, чтобы она до блеска надраила машину после езды в нашей грязи. Но ничего, мы привыкли, а с ребятами так сдружились, что

готовы были еще остаться в армии, чтобы быть вместе, честное слово! Если ты, Алеша, мужик – а ты ведь мужик, то эти два года станут для тебя хорошей школой жизни.

Слова родственника грешили избыточным оптимизмом. В газетах уже всю обсуждалась проблема дедовщины, писали, как старослужащие издеваются над молодняком, доводя некоторых новобранцев до самоубийства. Но на проводах об этом тактично умалчивали. Хороший знакомый отца Алексея принялся вспоминать разные смешные истории из своей армейской жизни. Таких накопилось вполне достаточно, однако, если копнуть глубже, выходило, что эти забавные случаи по большей части происходили из-за глупости и низкого уровня общей культуры советских офицеров. Чего стоило хотя бы заявление одного из майоров: «Это вы в школе извлекали корни из гипотенузы, а здесь будете выкапывать их из земли!» Было бы интересно посмотреть, в каком месте гипотенузы товарищ майор обнаружил корень.

Вспомнили еще одну историю. Некий генерал, приехавший с инспекцией в часть и выступивший перед местными офицерами, жестко раскритиковал их за некоторые самовольные действия, не предусмотренные уставом. Одна из последних фраз генерала прозвучала так: «Я смотрю, вы здесь слишком умные! Одни Сократы тут собрались». А дело было как раз в период некоторого сокращения Вооруженных сил. И часть офицеров посчитала имя древнего грека новым жаргонизмом, обозначающим то, что многие кадровые военные части угодят под сокращение, то есть являются Сократами. Трудно описать, какая паника и неразбериха начались в части. Офицеры пытались устроить свое будущее и фактически бросили солдат на произвол судьбы. Те ловко воспользовались ситуацией и устроили грандиозную пьянку, на следующий день после которой солдат-водитель утопил свою машину в болоте, а сам успел выбраться только в последний момент. Явилась комиссия, начавшая разбираться в происшествии, установила факт массового распития спиртных напитков, и в результате нескольких офицеров части уволили на самом деле. А не упомяни генерал загадочного Сократа, все бы шло своим ходом.

Забавные воспоминания почему-то мало веселили Звонцова. Игорь, хорошо знавший своего друга, понимал, с каким трудом ему даются улыбки, как за видимой веселостью он скрывает охватившую его тоску. Тем более что по закону подлости у Алексея появилось еще одно веское основание для огорчений. Робкий по натуре, он не осмеливался знакомиться с девушками и только недавно завел себе подружку. Сие действие потребовало от Звонцова титанических моральных усилий, и вот теперь все оказалось напрасным. Девушка Алексея, с которой он впервые оказался наедине всего несколько дней тому назад, оставалась предоставленной самой себе в городе, кишасшем молодыми и любвеобильными парнями.

Игорь тоже ощутил легкую грусть от расставания с другом. Грусть и неловкость. Ведь в отличие от Звонцова он был рядом со своей девушкой, и разлука им не грозила.

Так казалось Григорьеву, но у Ларисы на этот счет были совсем другие планы...

Глава 5

Попытка тихой сапой заманить Игоря в тенета красивой жизни давала сбои, молодой человек вежливо отказывался от заманчивых предложений Юдиной сходить в модный ресторан или на концерт популярного артиста, который тот давал для узкого круга состоятельной публики. Даже идея слетать на выходные в Сочи была Игорем деликатно отвергнута. И тогда Ларисе в голову пришла еще одна, не самая удачная мысль. Она решила использовать такую черту мужского характера, как тщеславие. Сейчас Игорь ее отвергает. Посмотрим, что он запоет, если девушка резко потеряет к нему интерес и заведет себе другого ухажера. Ведь должен же Григорьев, как всякий нормальный самец, постараться вернуть то, что в глубине души считал своим!

У Ларисы был на примете один юноша из ее круга общения, сынок чиновника, занимавшего солидную должность в московской мэрии. Звали его Артур, и он уже пытался завоевать расположение Юдиной, но получил от ворот поворот, так как у Ларисы таких воздыхателей было вагон и маленькая тележка. Артура Юдина выбрала за массивное телосложение и спокойный характер. Расчет ее казался безупречным. С кем-то другим Игорь мог стать выяснять отношения с помощью кулаков, что привело бы к ненужным осложнениям. Разбираться с мощным Артуром, как ей казалось, Григорьев побоится. И тогда она сама ему поможет: бросит чиновничьего сынка, и утешивший свою гордость Игорь останется с ней. Может быть, останется. После всех неудач Лариса испытывала сомнения в эффективности нового плана, однако ничего другого в голову ей не приходило.

Юдину подвел Артур. Сильно подвел. Он слишком вошел во вкус и стал на многое претендовать. Хотя спровоцированный Ларисой разговор Артура с Игорем прошел именно так, как ей хотелось. Разговору предшествовала иезуитская подготовка. Подружка Ларисы намекнула Артуру о знакомом Юдиной, якобы всеми силами добиваемом благосклонности девушки. Ситуацию поставили с ног на голову, но Артур поверил словам подружки целиком и безоговорочно, особенно узнав о социальном статусе конкурента. По его глубокому убеждению, любой представитель обнищавшей интеллигенции даст руку на отсечение ради женитьбы на такой богатой и красивой девушке, как Лариса.

Игорь так и не понял, с какого бодуна неизвестный парень стал обвинять его в попытке соблазнить Юдину. Он довольно вежливо ответил, что у него и в мыслях такого не было, просто они с Ларисой вместе учатся и поэтому иногда общаются. Григорьев понимал, что Юдина неспроста его обхаживает, она, как говорят в народе, положила на него глаз, но умолчал об этом, не считая нужным оправдываться перед странным типом.

Артур, посчитав слова Игоря лживыми отговорками, издевательски бросил:

– Ага, как же, учатся они вместе! Я тебя, пацан, насквозь вижу. Хочешь окрутить Ларису, запудрить ей мозги и жениться! Еще бы, очень красивая и очень богатая невеста! Только учти, дружок, Лариса не пара нищоброду вроде тебя. Она выйдет замуж за достойного мужчину, а не за жалкого голодранца! Лучше забудь о ней, это я тебе пока дружески советую. А то ведь можно поговорить иначе.

Игоря так и подмывало врезать наглецу в сытую ряшку, но занятия самбо научили его сдерживать эмоции и оценивать ситуацию. А она не располагала к душевному мордобою. Они стояли в институтском скверике, где постоянно ходили люди, а неподалеку находилось главное здание института, у входа в которое маячил человек в форме. Не факт, что он проигнорирует драку, завязавшуюся буквально в тридцати метрах от него, а за такое безобразие могли лишиться стипендии, которая в наступившие смутные времена позволяла Григорьеву иметь деньги на карманные расходы, не клянча мелочь у родителей. Игорь ограничился словесным отпором:

– Это мое дело, с кем проводить время. И валил бы ты со своими советами куда подальше.

Артур тоже заметил охранника, поэтому лишь обвел соперника тяжелым взглядом и криво усмехнулся:

– Ну-ну! Хамишь, парнишка! Ничего, когда мы с тобой поговорим в другом месте, ты запоешь иначе!

Артур временно исчез с горизонта, и Лариса перестала соблазнять Игоря разными заманчивыми предложениями. Юноша вздохнул свободнее, его напрягало назойливое внимание Юдиной, он инстинктивно чувствовал, что к добру это не приведет. Новая встреча с кавалером Ларисы произошла на танцах в общежитии.

Танцы в общежитии – это отдельная песня, одно из любимейших развлечений студента. Они сопровождаются обязательными ритуалами, устоявшимися десятилетиями, а может быть, и веками. Первый ритуал, доставшийся в наследство от совка, – это проникновение в здание студентов, которые тут не живут. В общагу их пускают, изымая студенческий билет, и, если ты не ушел до одиннадцати вечера, билет передается в деканат факультета, после чего следует наказание, строгость которого зависит от настроения руководства. Обычно, особенно если человека ловили в первый раз, все ограничивалось устным внушением, но, если попадался заядлый нарушитель, да еще под горячую руку начальства, все могло закончиться куда печальнее. Поэтому студенты проникали в общагу, минуя вахтера. Для этого использовались разные способы, но имелись два основных. Кто-то из жителей общежития выносил мусорное ведро через запасной вход и на обратном пути прихватывал жаждущих развлечений горожан. Сложность заключалась в том, что ключ от входа висел на стенде вахтера, и он всегда мог проверить, не совершает ли ведроносец административное правонарушение. На этот случай второй человек осторожно наблюдал за вахтером и при необходимости подавал условный знак. Другой способ проникновения был куда менее опасен – в общежитие забирались через окна первого этажа. Но администрация хорошо знала все уловки студентов и принимала ответные меры. Иногда окна завешивали решетками, но эта мера частенько вызывала осуждение городского начальства. Решетки выглядели неэстетично и напоминали о большом количестве заключенных в Советском Союзе.

– У вас здесь банк, где деньги лежат, или тюрьма? От кого вы замуровали ваших студентов? – возмущалось начальство, и решетки приходилось убирать.

Тогда деканат использовал другую уловку. На первом этаже селили активистов, комсомольских деятелей, по своей общественной работе обязанных следить за нравственностью молодежи. Но активистов было слишком мало, их не хватало даже на половину этажа, и массовые несанкционированные проникновения случались на каждом танцах.

Григорьев относился к танцам без особого восторга. Ему просто было интересно, как тусуется институтская молодежь. На обычных танцах в институте он уже побывал, и, с его точки зрения, они мало отличались от школьных танцулек. Разве что публика собиралась более культурная. Но танцы в общежитии считались чем-то особенным. Да и само попадание на них для молодого человека было окутано легким флером романтики. Игорь забрался в общагу через окно первого этажа. Затем по черной лестнице он поднялся этажом выше и оказался в комнате у своего однокурсника, с которым познакомился в самом начале учебы. Тут романтика закончилась, началась банальная пьянка, только в более скромных масштабах, чем это происходит у заводской проходной или на колхозном поле. В комнату, рассчитанную на четверых, набилось человек десять. На стол выставили шесть или семь бутылок вина. Не дешевого бырла, а относительно приличного напитка родом из Болгарии.

Игорь, в школе оставшийся трезвенником, попробовал спиртное на выпускном вечере и после этого, если собиралась хорошая компания, не сидел белой вороной, а выпивал и закусывал вместе со всеми. Проведя часок за столом, хозяева и гости спустились в подвал. Раньше, в годы холодной войны, там находилось бомбоубежище. Когда вчерашние заклятые враги государства превратились в его друзей, по инициативе студентов и их руками бомбоубежище пере-

оборудовали в танцевальный зал. Тут играл ансамбль института, успевавший между учебой и самодеятельными концертами разучивать самые модные хиты. Компания спустилась в зал, когда ансамбль уже начал играть. Игорь в легком подпитии и хорошем настроении наблюдал за танцующими. Ларису с Артуром он засек через несколько минут. Они вынырнули из толпы и медленно кружились буквально в паре метров от него. Григорьев заметил, как Артур довольно бесцеремонно лапает партнершу, его рука соскользнула с талии и утвердилась на упругих ягодицах Юдиной. Игорь испытал двойственное чувство: с одной стороны, его возмутила такая вызывающая бесцеремонность, да еще на глазах людей, с другой – он теперь мог навсегда отшить Ларису, сказав: «Я видел, как тебя лапали на танцах. И что ты после этого хочешь? Чтобы один тебя тискал, другой целовал, третий развлекал в постели? Извини, я в такие игры не играю!»

Танец закончился, пара отошла чуть в сторону, и на какое-то время Григорьев потерял их из вида. Однокурсники затащили его на быстрый танец, потом он приглашал на медленное танго нескольких девушек, чтобы не отдавать ни одной из них предпочтения, а затем, после следующего быстрого танца, отошел в сторону. Ему здесь наскучило. Игорь всегда считал танцы сами по себе занятием тоскливым, только общество Веры могло придать им милое очарование. А какой смысл без любимой девушки совершать под музыку нелепые телодвижения? Другим ребятам хорошо, они настроены на легкий флирт или даже серьезное любовное приключение. Игорю ничего этого не надо было.

Вдруг рядом с ним оказалась Лариса.

– Скучаешь? Будь другом, потанцуй со мной, а то достал Артур со своим хамством. Распускает, гад, руки, а когда ему делаешь замечание, только ухмыляется. Говорит, будто я возмущаюсь для вида, а на самом деле мне очень нравится, когда он меня щупает. Представляешь, какой урод!

«Хорошо, я тебя выручу, только с одним условием: с завтрашнего дня мы с тобой будем просто однокурсниками, и ты для своих ухаживаний выберешь другого человека», – хотел сказать Григорьев, но, на свою беду, побоялся обидеть девушку и коротко ответил:

– Ладно.

Он надеялся интонациями, своим поведением окончательно дать понять Юдиной, что ей пора уgomониться. Не дура же она, в конце концов, должна сообразить, что Игорю по барабану ее прелести и богатство.

Когда заиграла музыка, Игорь опередил Артура и увлек Ларису за собой. Он сохранял между собой и партнершей дистанцию, одной рукой держа ее за плечо, а второй чуть ниже ключицы. Такой стиль называли пионерским. Он вызвал злорадную ухмылку у Артура, наблюдавшего за ними со стороны. Артур решил, что Григорьев боится его и потому даже во время танца старается держаться от Ларисы подальше. Но все же Игорь осмелился откликнуться на приглашение девушки. За это его следовало наказать.

Вскоре музыканты объявили перерыв. Артур подошел к парочке и злобно процедил:

– Хватит, порезвился. Теперь отвали, моя очередь.

– А это не тебе решать, – парировал Григорьев.

После выпитого он контролировал себя не так строго, как следовало.

– Неужели тебе? – делано удивился Артур.

– А ты кто такой, чтобы лезть в чужие дела?

– Кто я такой? Идем выйдем, там поймешь!

– Мальчики, не ссорьтесь, – как-то робко попыталась вмешаться Лариса, но ее слова были проигнорированы.

Короткий коридор вел от зала к лестнице. Рядом с лестницей была довольно большая площадка, где обычно собирались курильщики. И сейчас там стояли три человека. Игнорируя их присутствие, Артур резко повернулся к Григорьеву:

– Ну что, козлик, допрыгался!

Взметнулся тяжелый кулак, способный легко сбить с ног человека. Только для этого надо было попасть. Бывший самбист легко отклонился в сторону и цинично врезал пониже спины Артуру, которого сила инерции увлекла мимо него. Артур развернулся. И куда только делось его хваленое хладнокровие. В глазах у него плескалась ярость, он горел желанием стереть в порошок своего обидчика, унизившего его дважды за один вечер.

От второго размашистого удара Игорь уклонился, быстро присев, и тут же провел нижнюю подсечку. Тяжелая туша шлепнулась на цементный пол. Тут бы Артуру и угомониться, но его противник допустил ошибку. Игорь остался на месте, зажатый в пространстве между лестницей и стеной. Артур решил этим воспользоваться. Он был раза в полтора тяжелее Григорьева и надеялся задавить того массой. Первый натиск ему вполне удался, что стало его главной ошибкой. Впрочем, тут печально сложились сразу несколько факторов. Алкоголь ослабил сдерживающие барьеры Григорьева, Артур был ему противен как человек, а ситуация загнанного в угол бойца заставила Игоря работать в полную силу. Третий удар задел его плечо. Воспользовавшись заминкой Григорьева, Артур навалился на него. Игорь мягко, как учили, опустился на пол. Очувтившись сверху, Артур почувствовал себя победителем. Ведь так было во всех дворовых схватках. Если уселся на противника сверху, если прижал его лопатками к земле, то ты выиграл, ты сильнее. Игорь тем временем обхватил его туловище ногами, крутанулся, забрасывая правую на шею, выдернул руку Артура и взял ее на излом.

Потом Григорьев убеждал всех, и себя в том числе, что он не успел остановиться, хотя в глубине души совершенно точно знал: он не захотел останавливаться. Прием, который лишь обозначался на тренировках, Игорь провел до конца. Раздался отчетливый хруст и громкий вопль боли, вырвавшийся из горла Артура. В этот момент Григорьев еще не осознал всего ужаса произошедшего. Он ловко вскочил и бросил поверженному противнику:

– Теперь будешь знать, как при всех хватать девушек за попки!

Вопль перешел в мучительный стон. Артур встал на колени, придерживая сломанную руку. Только в этот момент Игорь понял, что натворил. Он в пьяном виде подрался с человеком и нанес ему увечье. Это гарантированное исключение из института! Ему хотелось убежать, куда-нибудь скрыться, но он понял, что будет только хуже. К тому же на крик сбежались люди, вызвали «скорую» и милицию. Артура увезли, а Игоря после опроса свидетелей доставили в отделение.

Там Григорьев не стал запираяться, а рассказал все как было. Лейтенант, занявшийся его делом, устало захлопнул папку. Все ясно, студент крепко влип. Хотя если он действительно оборонялся, то с учетом чистой биографии парень наверняка избежит тюремных университетов. Но и со своими университетами распрощается наверняка. А пока, так как он не представляет социальной опасности, можно под расписку отправить его домой. Лейтенант не знал, что несколькими минутами ранее на столе начальника отделения зазвонил телефон. Выслушав, начальник посидел немного в задумчивости, словно давая своему подчиненному время разобраться с задержанным и отпустить его домой, после чего встал и направился в кабинет, где лейтенант почти закончил с Игорем. Начальник вызвал летеху в коридор, после чего тот вернулся с изменившимся лицом:

– В «обезьянник» его!

Из «обезьянника», или, говоря официальным языком, КПЗ, Игоря через сутки переправили в СИЗО.

В камере, куда определили Григорьева, находилось всего три человека. Один из них, выглядевший значительно старше других, вежливо спросил:

– За что тебя, милоч, сцапали? Только не ври, а то сильно пожалеешь.

– Руку сломал одному уроду.

– Руку сломал? По пьяни или из-за девки поцапались?

– Вроде и то и другое, а если разобраться, то и ни то, и ни другое.

– Темнишь ты, милоч, или разговаривать с нами брезгуешь, – в мягком, словно войлок, голосе мужчины едва заметно прорезались угрожающие интонации.

– Ничего я не темню. Просто я перед танцами выпил полбутылки легкого вина. Разве это пьянь? И заступился я за чужую девушку. Противно было смотреть, как один вахлак ее за попку тискает. И ей самой это не нравилось.

– А ты заступился, не побоялся схлопотать по физиономии.

– Я немного спортом занимался, умею постоять за себя.

Фраза была довольно обтекаемой, поскольку газетчики успели доходчиво описать нравы уголовников. Воры старой формации при любой возможности сбивали спесь с крутых спортсменов, при этом слабые новички мгновенно оказывались в самом низу тюремной иерархии. Вот Игорь и выбрал золотую середину. Он не крутой спортсмен, но при необходимости может дать сдачи.

– Ладно, садись пока, будем разбираться, что ты за человек.

Григорьев в свою очередь тоже разбирался в соседях. Старший мужчина, казавшийся юному Игорю почти стариком, которого звали Фролом, был вожаком троицы, хотя двое остальных были явно сильнее, а один из них, судя по одежде и массивному золотому перстню, богаче Фрола. Но Фрол, как впоследствии растолковали Григорьеву, являлся уркой старого закала и знал людей, о которых двое его сокамерников говорили с оттенком уважительности и страха. Фрол был вором в широком понимании этого слова, то есть занимался традиционными криминальными промыслами, игнорируя преступный бизнес, на котором поднимались бандиты новой волны. А начинал он вором-домушником, и мало людей могли посоперничать с ним в умении тихо и быстро открыть самый хитроумный замок, найти в большой квартире потайные места, где хозяева держали свои ценности. Фрол держался вроде тихо, но у сокамерников даже мыслей не возникало ему возразить или задавать вопросы, способные вызвать у вора раздражение. Поэтому оставалось тайной за семью печатями, за какие грехи Фрол угодил в КПЗ, хотя сам он имел о грехах сокамерников точную информацию. Приходила она с посылками, которые у Фрола оставались нетронутыми, тогда как передачи Игоря тщательно досматривались.

Вскоре Фрол, какое-то время державшийся с Григорьевым настороженно, довольно сообщил:

– Молодец, Игореха, выложил все как на духу. А то попадаются сучьи потроха, виляют, как бобики, хвостом, а когда их расколешь, готовы слизнями ползать перед тобой.

Но в основном трое задержанных относились к Игорю холодно, давая понять, что он здесь человек случайный, попавшийся исключительно по собственной глупости, тогда как они сознательно выбрали криминальную стезю и собираются прошагать ее до конца. А Игорь соскочит, не тот у него характер, чтобы строить собственное благополучие на горе других людей. Однако по закону относительности время подозреваемых течет очень медленно, все доступные развлечения приелись до тошноты, и разговор с новым человеком вносит хоть какое-то разнообразие в монотонное течение жизни. Поэтому Григорьева стали расспрашивать о его судьбе, в том числе такой диковинной для большинства обычных уголовников вещи, как учеба в институте. Так Игорь случайно обмолвился о своем пристрастии к конструированию разных приборов. Его слова вызвали большой интерес у одного из молодых задержанных по кличке Гусь. Поначалу он задавал вопросы общего плана: много ли на счету Григорьева самоделок, хорошо ли он разбирается в электронике. Потом Гусь вроде бы потерял к Игорю интерес, но через пару дней Фрола освободили, а третьего сидельца вызвали на допрос. Гусь, не теряя ни секунды, подсел к Григорьеву:

– Ты про автомобильную сигнализацию знаешь?

– Кое-что слышал.

В то время различные устройства, предохранявшие автомобиль от угона, только начали появляться в стране и устанавливались главным образом на дорогие иномарки.

– А можешь сделать штуку, которая бы отрубала сигнализацию?

– Не знаю. Сначала надо разобраться с принципом работы сигнализации, тогда скажу наверняка. Но скорее всего, сумею.

– Это хорошо. Повезло нам, что сейчас суды завалены работой, и рассмотрение твоего дела затягивается.

– Почему? – удивился Григорьев.

– Отмажем тебя. Иначе тебе конкретный срок корячится.

Гусь был прав. Дело, поначалу грозившее Игорю условным наказанием, принимало совсем худой оборот. Его буквально вывернули наизнанку, преподнесли так, будто Григорьев сам затеял ссору с Артуром и умышленно сломал ему руку. Трое ребят, кутившие под лестницей и наблюдавшие за дракой, дружно подтвердили выдумку Артура. Его отец сумел надавить на нужные рычаги, стремясь засадить обидчика сына в тюрьму. И у него это замечательно получилось.

К тому же странную позицию заняла Лариса. Она вела себя так, будто все происшедшее ее абсолютно не касалось. А ведь могла рассказать следователям о наглом поведении Артура и о том, что именно он был инициатором драки. Хотя нет, не могла. Ее богатенький родитель доходчиво объяснил дочурке, насколько прочно его деловые успехи связаны с хорошим отношением людей во властных кабинетах. А затем на всякий случай пригрозил, что лишит Ларису денежных вливаний, если та вздумает заступиться за Григорьева.

Юдиной в наследство от отца досталась редкая рассудительность. Она здраво просчитала ситуацию. Конечно, с милым рай и в шалаше. Но если милый, что скорее всего, уйдет к своей подружке, то она останется одна в шалаше, который покажется ей адом. Все же чувства, которые Лариса испытывала к Григорьеву, не позволили ей без зазрения совести обогатить Игоря. Она сделала вид, будто не имеет никакого отношения к случившемуся. Такая ее позиция вполне устроила отца Артура. У него было трое свидетелей, единодушно называвших Григорьева зачинщиком драки.

Ситуация для следователя выглядела более чем очевидной. Подвыпивший дебошир, бывший самбист, набросился на беззащитного молодого человека и нанес ему увечье. Какие у Григорьева имелись причины для драки с Артуром? А никаких, обычный пьяный кураж, желание утвердить себя, избив более слабого человека. Ничего из ряда вон выходящего, такое случается почти ежедневно.

Однако на силу официальную нашлась другая сила, криминальная. К одному из свидетелей, утверждавших, будто драку затеял Игорь, подошли двое мужчин весьма характерной наружности. Да и манеры их убедительно свидетельствовали о том, что они представляют вовсе не клуб английских джентльменов. Общую картину гармонично завершали татуировки, видневшиеся на руках обоих.

– Сколько тебе дали бабла, чтобы ты слил Григорьева? – поинтересовался один из мужчин.

– Нисколько, – задрожавшим от страха голосом ответил свидетель.

– А че ж ты его валишь? – спросил второй.

– Так меня вызвал комендант общежития и пригрозил, что высылит непонятно за что. На следующий день ко мне подошел какой-то тип и пообещал решить мою проблему, если я скажу, будто Игорь сам затеял драку. Я пообещал, и комендант тут же заявил, что он меня с кем-то попутал.

– И ты, урод, из-за общаги готов посадить в тюрьму человека?

– У моих родителей крошечные зарплаты. Я сам подрабатываю вечерами, но платят очень мало. У меня не хватит денег, чтобы снимать квартиру, и я не смогу дальше учиться.

– Придется тебе, пацан, выбирать, куда переселяться: на квартиру или на кладбище, – недобро ухмыльнулся один из мужчин, а второй злобно конкретизировал: – Теперь все вали на Артура, иначе ты покойник.

Таким же образом уголовники обработали двух оставшихся свидетелей, потребовав, чтобы свои показания они изменили на суде, рассказав о том шантаже, которому подвергались.

Игорь тем временем ждал своей участи, мысленно примирившись с тюремным заключением. Ему слабо верилось в обещания Гуся. Вот если бы восстановить справедливость посулил Фрол, Григорьев бы ему поверил. У Фрола на воле имелись влиятельные кореша, способные противостоять отцу Артура. Но Фрол только в камере хорошо относился к Игорю. Оказавшись на свободе, он сразу о нем забыл.

Наступил день суда. Григорьев морально приготовился к худшему, хотя, конечно же, надеялся на чудо. И оно произошло. Первый же свидетель заявил, что зачинщиком драки являлся Артур.

– Однако на следствии вы говорили прямо противоположное, – удивленно возразил судья.

– Во время следствия, ваша честь, на меня оказывалось давление.

– В чем конкретно оно выражалось?

– Сначала комендант общежития без малейших причин стал угрожать мне выселением. На следующий день неизвестный человек пообещал мне, что выселения не произойдет, если я оговорю подсудимого. Когда я согласился, комендант немедленно оставил меня в покое.

– Почему вы говорите об этом только сейчас?

– Я боялся выселения. Мне нечем платить за съемную квартиру, и, если бы меня выселили, мне пришлось бы уходить из института.

– Хорошо. Тогда расскажите подробнее об инциденте.

– Мы видели только, как пострадавший с обвиняемым спустились под лестницу. Они ссорились из-за какой-то девушки.

– Вы уверены насчет девушки? В материалах следствия об этом ничего не говорится.

– Да, уверен, хотя разговор был очень короткий. Пострадавший ударил обвиняемого в лицо. Точнее, попытался ударить, но обвиняемый уклонился.

– Что было дальше?

– Обвиняемый каким-то приемом сбил потерпевшего с ног.

– И сломал ему руку?

– Нет, он хотел прекратить драку, но потерпевший вскочил и повалил его на пол. Вот тогда обвиняемый и сломал ему руку.

– Как это произошло?

– Я не успел заметить, все случилось очень быстро.

– Ясно. У прокурора и адвоката есть вопросы к свидетелю?

Прокурор тут же начал задавать вопросы, в том числе пытаясь доказать, что свидетель изменил показания под давлением, однако ничего у него не вышло. А тут еще оставшиеся свидетели подтвердили все сказанное. Прокурор уgomонился и скис. Крыть ему было нечем, зато он зримо представлял, какими словами будет его крыть папаша Артура, когда Григорьева оправдают.

Защитник Игоря выглядел растерянным. Это был молодой, начинающий адвокат, поскольку на другого, более опытного, у Григорьевых не было денег. Он построил свою линию защиты, которая держалась на безусловном признании вины Игоря, поскольку отрицать очевидное не имело смысла. Адвокат упирал на массу смягчающих обстоятельств, лелея призрачную надежду, что суд их примет во внимание и ограничится условным сроком. Хотя молодости присуща гибкость ума, адвокат был наделен ею весьма скупой и с огромным трудом приспособился к кардинально изменившейся ситуации. У него был другой козырь – умение скрупу-

лезно разобраться в обстоятельствах дела. Но сейчас этот козырь скорее играл против адвоката, поскольку обстоятельства вдруг резко изменились.

С трудом перестраиваясь на ходу, защитник долго говорил о безупречной биографии обвиняемого, никогда не имевшего конфликтов с милицией. Наконец ему удалось красивый переход:

– И мне было с самого начала ясно, что такой человек не способен на антиобщественные поступки.

– А рука у пострадавшего сломалась потому, что ей так захотелось, – не сдержался прокурор.

Судья призвал его к порядку и дал закончить адвокату, развившему свою мысль. Тому пришлось импровизировать, и получилось довольно сумбурное нагромождение новых фактов, свидетельствовавших о довольно неприглядном облике потерпевшего, который за счет ложных обвинений пытался отправить обвиняемого в тюрьму. Далее следовал категорический вывод:

– Григорьева, как человека оклеветанного, следует немедленно оправдать.

Но судья думал несколько иначе. Он стал выяснять у Игоря, мог ли тот обойтись без членовредительства. Григорьев выбрал правильную тактику.

– Если бы я продолжал заниматься самбо, то, возможно, смог. Нас учили контролировать свои действия. Но я давно забросил тренировки, поэтому не смог вовремя остановиться, проводя прием.

– И были пьяны, – жестко напомнил прокурор.

– Я выпил только полбутылки легкого вина и не был пьян. Хотя Артур сейчас находится в больнице, вам легко проверить то, что я сейчас скажу. Он почти на голову выше меня и гораздо тяжелее. Я же всегда боролся с людьми одного со мной веса. Увидев перед собой такого здорового парня, я провел болевой прием с несколько большей силой, чем обычно. Я хотел заставить его сдаться и не думал ломать ему руку.

– А вы разве не понимали, что имеете дело с человеком, далеким от спорта? – неудачно вмешался прокурор.

– Обвиняемый тоже человек, а не компьютер. Разве он был способен, защищаясь от внезапного нападения, учесть все детали? – ловко парировал адвокат.

– Я занимался обычным самбо. Мы всегда заранее готовились к поединку, изучали каждого соперника. Возможностей Артура я совсем не знал, поэтому действовал в полную силу.

– Любой человек, на которого нападают, думает о том, как защититься, а не о том, чтобы поделикатнее обойтись с агрессором, – добавил адвокат.

Между ним и прокурором завязалась короткая перепалка, решительно остановленная судьей. Судья немного задумался, а потом торжественно объявил:

– Суд удаляется на совещание.

Это были самые тягостные минуты в жизни Григорьева. Чудо, в которое он едва мог поверить, случилось, но не произойдет ли другое чудо, уже со знаком минус? Сумел же папаша Артура обработать свидетелей, вдруг он надавил и на суд?

К счастью, опасения Игоря оказались напрасными. Ему таки вменили превышение пределов необходимой самообороны, однако, учитывая все обстоятельства и безупречную его биографию, ограничились годом условно.

Григорьева освободили прямо в зале суда. Сначала он попал в объятия родителей, затем друзей. Его радость омрачило лишь странное поведение Веры, которая поздравила его довольно сухо, будто по необходимости.

«Кто-то наплел ей про Лариску. Рассказал всяких небылиц, а она, дурочка, поверила. Надо поскорее с ней встретиться», – подумал Игорь.

Но вечер он провел дома, в семье. Мать с отцом постоянно находились рядом с единственным сыном, словно боясь, что стоит Игорю куда-то уйти, и с ним опять приключится

беда. С Верой молодой человек встретился только на следующий день. Она сухо поздоровалась с ним.

– Верунчик, что с тобой произошло? Неужели ты по мне не соскучилась? Я все эти дни постоянно думал о тебе!

– Думал обо мне, а гулял с кем? Твоей институтской подружкой?

– Какая подружка? У меня никого нет, кроме тебя!

– Не ври, Григорьев. Я знаю, почему ты полез драться! Лариску свою не поделили.

– Ты была на суде и все слышала. Я вообще не собирался драться, мне пришлось защищаться. Поверь мне, я не полез в драку ни из-за одной женщины, кроме тебя! Мне нужна только ты!

– И снова врешь! На водохранилище была совсем другая девушка. Или ты ее спутал со мной, – язвительно сказала Вера.

– Девушка была, но я ее проигнорировал, – честно ответил Игорь.

Он подумал о том, что его коварно подставили. Сделать это мог только кто-то из двоих, Ефимов или Сквозняков, причем с равной вероятностью. Ефимов надеялся завоевать благосклонность Веры и с этой целью был способен использовать даже самые подлые приемы, а Сквозняков пакостил из-за испорченности своей натуры. Олег и не думал о том, как его слова отразятся на отношениях друга с девушкой. Или думал, однако не мог удержаться от мерзких сплетен, ловя кайф от реакции человека на сообщение, которое больно задевает его интересы. Возможно, узнав об истории на водохранилище, Вера засомневалась в верности Игоря и, желая подтвердить или рассеять подозрения, отправилась в институт, где драка являлась самой обсуждаемой темой. Там она узнала все подробности, приукрашенные и присочиненные молвой. Каждая история сама по себе давала повод для ревности. Две вместе они заставили девушку потерять веру в своего возлюбленного.

– Хватит, Григорьев. В тюрьме тебя здорово научили врать, но я же все знаю. Когда захочешь рассказать правду, я тебя послушаю. Но только послушаю, ничего больше не обещаю. А сейчас прощай. – И Вера решительно зашагала прочь.

Глава 6

Для Игоря наступили черные дни. Размолвка с Верой стала предвестницей новых бед, причем грозивших куда более тяжелыми последствиями. Молодой человек был уверен, что разрыв с девушкой – явление временное, у них все наладится. А вот увольнение из института – это навсегда. Отыгрался-таки папаша Артура за поражение в суде, сумел добиться отчисления Григорьева практически с волчьим билетом. В деканате Игорю категорически заявили:

– Нам драчуны и хулиганы не нужны. Наши студенты кроме знаний должны иметь высокий моральный облик.

Все попытки Григорьева объяснить, что он только защищался, неумолимо пресекли на корню:

– Культурный человек никогда не даст повода для драки. И не станет в пьяном виде расхаживать по общежитию, в которое, между прочим, проник абсолютно незаконно.

Отчисление тянуло за собой новую проблему. При всем желании Игорь не мог поступить в другой вуз. Не успевал. Уже весной ему следом за Звонцовым предстояло отправиться в армию. Времени оставалось совсем ничего, однако Григорьев твердо решил найти себе работу. Не хотелось ему, взрослому парню, сидеть на шее у родителей. Увы, в период массового закрытия предприятий, когда на улице оказывались квалифицированные труженики, куда-то устроиться вчерашнему школьнику было делом нелегким. Неделью Игорь потратил впустую, а затем раздался телефонный звонок.

– Привет, студент, – услышал Игорь.

– Здорово, Гусь! – он сразу узнал голос человека, с которым провел много времени в камере.

– Чем занимаешься?

– Ищу работу.

– Грамотно ищешь. На диване, – хмыкнул Гусь, поскольку дело было днем.

– Я сегодня сделал перерыв. Надоело без толку мотаться по городу.

– Ну и молодец! Родичи дома?

– На работе.

– Когда придут?

– Вечером.

– Тогда мы с корешем сейчас к тебе подскочим.

Кореша Гуся звали Толкачом. Как узнал потом Игорь, он любил повторять, если ожидалась проблемы с угоняемой машиной:

– Ниче, заведу с толкача.

Толкач поставил на стол бутылку водки, Гусь разложил закуску, при виде которой у Игоря слюнки потекли. Он уже отвык от дорогих колбас и разных копченостей.

– Ну, за волю! – поднял Гусь стопку.

Игорь слегка пригубил. Он еще не пробовал водки и не хотел, чтобы родители учуяли от него запах спиртного.

– Тебя тоже оправдали? – спросил он.

– Не меня, а нас, – Гусь ткнул рукой с зажатым в ней надкусанным бутербродом в сторону Толкача. – Мы с ним проходили по одному делу, а подельников сажают в разные камеры.

– И как вы соскочили?

– Как и ты. Свидетели и терпила изменили показания, – хмыкнул Гусь.

Он налил по второй и спросил у Григорьева:

– Чем конкретно думаешь заниматься?

– Пока без разницы, перекантуюсь до весны, а там в армию.

– Армия – она для патриотов и дураков, нормальные люди обходятся без нее, – наставительно сказал Гусь.

– Значит, я дурак, поскольку патриотом меня назвать трудно, – грустно усмехнулся Игорь.

– Ты помнишь наш разговор насчет устройства, которое может отрубить сигнализацию? – резко сменил тему Гусь.

– Да.

– Готов заняться этим делом?

– Заняться-то готов, но, если прибор окажется слишком сложным, боюсь не успеть до армии.

– А ты не бойся, от армии мы тебя отмажем, это нам запросто. И бабок тебе подкинем, чтобы ты делом занимался, а не мотался по городу. Вот, держи. – В руках у Григорьева оказалась сумма, которая превышала месячные зарплаты отца с матерью.

Игорь деньги взял. Он понимал, что они получены преступным путем и сам он ступает на кривую дорожку, но жизнь подталкивала его к такому решению. Большинство людей в стране нищенствовали, процветали только влиятельные бюрократы, типы, успевшие разжиться жирными кусками государственной собственности, и бандиты. А рядовые граждане были кругом должны неласковому государству. Должны были работать, пока имелась заинтересованность в результатах труда, безропотно выживать на жалкое пособие по безработице, когда такая заинтересованность исчезала, защищать государство от врагов. А само государство было должно только кучке граждан, имевших силу и власть. Григорьев это видел и честно сотрудничать с таким государством не имел ни малейшего желания.

Игорь начал работу над прибором. Интернет тогда был доступен лишь единицам, и он много часов просидел в библиотеке, по крупницам разыскивая нужную информацию. Ему удалось узнать принципы работы противоугонного устройства, и он после напряженных размышлений догадался, как его нейтрализовать. После этого сработало одно из немногих преимуществ зародышевого рынка, в котором очутилась Россия. Всего несколько лет тому назад Игорь вряд ли бы нашел и четверть требуемых ему деталей. Теперь Григорьев отыскал все, но с завершением работ не торопился. Он надеялся со второй попытки поступить в институт и рассчитывал на обещанную отмазку от армии.

Но у Гуся с Толкачом были на Игоря другие виды. Оба уголовника не отличались физической силой. При этом они обладали достаточной решимостью и умели пользоваться ножом, но это умение оставляли на крайний случай. Кому нужна мокруха при угоне! Это уже другая, куда более тяжелая статья, попробуй от нее отмажься! Поэтому им позарез требовался человек, способный без крайностей вывести из игры хозяина машины или случайного свидетеля, если он вдруг появится в момент угона. Игорь, разбирающийся в электронике и владеющий самбо, оказался для угонщиков настоящей находкой.

Первое дело Григорьев запомнил на всю жизнь. И не только потому, что оно было первым. Возникли осложнения, которыми всегда чреваты серьезные дела. Осложнения не имели отношения к появлению Игоря, хотя до сих пор Гусь с Толкачом работали вдвоем. Более того, без Григорьева угонщики могли снова оказаться в тюрьме.

Задача каждого была определена заранее, и двое не раз опробовали то, что от них требовалось. Гусь должен был вскрыть дверь – это главное. Причем дверь следовало вскрыть не только без шума, не только быстро, но и без повреждений, иначе будет испорчен товарный вид машины, потребуются расходы на ремонт и покраску, а многим покупателям это не нравится, многие опасаются машин с такого рода повреждениями, несмотря на безукоризненные документы.

Внешность Гуся ни у кого не вызывала подозрений, был он среднего роста, худощавый, а на его лице отсутствовала печать порока, способная насторожить окружающих. При этом Гусь

был непревзойденным мастером по вскрытию машин и его не смущали никакие хитроумные запоры.

Когда Гусь распахивал дверь, за руль тут же бухался Толкач. К этому моменту Гусь должен был сидеть справа, готовый помочь завести мотор. Если все шло нормально, по плану, вдвоем они и скрывались на машине. Пути отхода намечались заранее, а Толкач был классным водилой, при необходимости способным уйти от погони.

И только если возникали сбои, в дело надлежало вступить Игорю. Милиция, случайные прохожие, неожиданно возникший хозяин – все это лежало на нем, обязанном отшить, успокоить, вырубить, направить погоню по ложному следу.

Уже начало темнеть, и грязноватые весенние сумерки ступились между домами. Первым возник Толкач, хотя в будущем эта роль отводилась Игорю. Он медленно прошел вдоль дома, где жил хозяин машины, обошел двор и расположился на скамейке, закинув ногу на ногу.

– Пошел, – сказал Гусю Игорь, заметив усевшегося Толкача.

Гусь, держа антисигнализатор, двинулся к новенькой «ауди». Прибор сработал отменно, сигнализация промолчала, когда Гусь, поколдовав над замком, распахнул дверь иномарки. Но буквально следом за Толкачом из мрачных сумерек возникла еще одна тень. Игорь, заняв укзанную более опытными товарищами позицию, напряженно вглядывался в окрестности и отреагировал с опозданием.

– Машины угонять, гады! – на Толкача сбоку обрушился удар, едва не сбивший его с ног.

Гусь, уже юркнувший в машину, сунул руку в карман и выхватил из него нож. Не убивать – поугатать. Сам когда-то начинавший, он понимал, что Григорьеву потребуется время для адаптации, и пока рассчитывал больше на себя. Но тут мужик, уже сунувшийся в машину, вдруг нелепо взмахнул руками и рухнул на прокисшую землю. Толкач, успевший прийти в себя, врезал мужику ногой по голове и коротко бросил Игорю:

– Давай в тачку!

– Ловко ты его. На самом деле самбист. А я уже собирался перышком его пощекотать, – сказал Гусь.

– Толкач тоже приложился, – в голосе Игоря прозвучали осуждающие нотки.

– Конечно! Ты же его не вырубил, он мог своим криком весь дом на уши поставить.

А теперь мужик лежит, отдыхает, никому не мешает. – Толкач вывел машину из дворов и прибавил газа.

– Не надо превышать скорость. В городе скорость должна быть шестьдесят километров в час. – Гусь с показной ленцой откинулся на спинку сиденья.

– Пошел ты! – бросил Толкач, но стрелка спидометра опустилась до разрешенного уровня.

– Откуда он взялся? – Гусь будто любопытствовал у самого себя.

– Кто, мужик? – вздумал уточнять Григорьев.

– Нет, Дедушка Мороз! Конечно, мужик! С тебя, молодой, спрос еще маленький, но ты, Толкач, как его прошляпил?

– Темно было, а двор большой. У меня глаз на затылке нет, только два спереди.

– Там у соседнего подъезда росло старое дерево. Наверное, он из-за него вышел, – предположил Григорьев.

– О, студент! – Гусь сделал вид, будто только сейчас заметил Игоря. – А мы о тебе совсем забыли. Где будешь десантироваться?

– Да хоть здесь, – Григорьев понял, что его пока не хотят посвящать в самое главное – то, как и кому уходят угнанные легковушки.

– Здесь так здесь. Толкач, тормозни, – сказал Гусь.

Глава 7

Размолвки иногда играют роль сита, сквозь которое проходит разная нравственная шелуха и остаются настоящие чувства.

Игорь продержался меньше недели, затем он не выдержал и снял телефонную трубку, убеждая себя: «Да, Вера сама ушла, оборвав разговор, но она девушка, а я мужчина и должен сделать первый шаг к примирению».

Он набрал номер. Услышав его голос, Вера сказала:

– Ты читаешь мои мысли. Я хотела звонить тебе.

– Правда? Значит, ты поверила моим словам! Я очень рад! Чем занимаешься? Давай встретимся прямо сейчас.

– Я согласна.

Радостные чувства Игоря омрачились досадным обстоятельством. У него было мало денег. Настолько мало, что их едва бы хватило на два билета в кино. А хотелось где-нибудь посидеть, пообщаться. Не таскаться же по улице в холодную промозглую погоду! Имелся замечательный, с точки зрения Григорьева, вариант – пригласить Верочку в свою квартиру. Но как воспримет такое приглашение девушка? Не успели толком помириться, и сразу такое довольно смелое предложение. А если она до сих пор верит в то, что у Григорьева были любовницы на стороне? Тогда она может подумать, что Игорь зовет ее к себе, поскольку так поступал с другими девушками. Тут один шаг до новой размолвки. Пришлось встречаться на улице. Верочка держалась мужественно, хотя ее поддерживало свойственное большинству людей нездоровое любопытство. Как там, в тюрьме? Что за люди туда попадают? Как Григорьев выдержал в обществе грабителей и убийц? Игорь Верочку тут же успокоил. В его камере не было грабителей и убийц, по возможности тюремное начальство разводит людей со статьями разной тяжести, иначе тюрьма превратится в гибрид ускоренных курсов будущих уголовников и арену массовых убийств. Если подсаживать впервые оступившихся людей к закоренелым рецидивистам, урки одних обратят в свою веру, а других сломают, морально и физически.

– Кроме того, в КПЗ разборки происходят сравнительно редко. Вот если бы я попал в лагерь, то мог бы стать настоящим уголовником. Ты бы тогда пошла за меня замуж?

– Не надо пробовать! Больше всего ты мне нравишься такой, как есть.

Верины глаза лучились от счастья, а Григорьев маялся от собственной ущербности. Ну что он за мужчина, если не может сводить девушку хотя бы в кафе-мороженое. И куда запропастился Гусь? Ведь обещал рассчитаться, когда машина уйдет клиенту. Неужели кинул? С него станется. Чего еще ждать от уголовной морды? Зря он оставил ему прибор. Больше уголовникам от него ничего не надо. А эти разговоры насчет третьего – обычная лапша на уши. Гусь с Толкачом раньше работали вдвоем – с какого бодуна им что-то менять?

Григорьев ошибался. Гусь появился буквально на следующий день и небрежно бросил на стол полиэтиленовый сверток:

– Держи, твоя доля. И будь готов к работе на следующей неделе. Тачку мы уже присмотрели.

Когда Гусь ушел, Игорь развернул сверток. Мать честная! Баксы, одни баксы, целая куча баксов! В принципе, Григорьев знал о существовании куда больших сумм в американской валюте, но эту наблюдал собственными глазами. Успокоившись, он пересчитал деньги. Три тысячи долларов. Сколько же его родителям надо горбатиться, чтобы заработать такие деньги! Уж точно побольше года. А у него все заняло меньше часа! И ведь он сейчас проходит что-то вроде испытательного срока.

Игорь знал стоимость новой «ауди». Даже если угонщики сдавали машину за полцены, доле Григорьева было куда расти.

Всего час тому назад у Игоря было ощущение сброшенного с плеч тяжелого груза. Пусть угонщики кинули его, зато он избежал опасной криминальной дорожки. Ощущение тяжести вернулось опять, но с ней пришло и состояние пьянящей эйфории. Теперь можно навсегда забыть о прогулках в слякоть и жалких кафе-мороженых. Верочка достойна гораздо лучшего! А ему следует выбросить из головы разные жалостливые мысли. Разве владелец «ауди» заработал деньги на машину честным трудом? Как же, разогнался! Честным трудом в нынешнем государстве можно заработать только на велосипед. Причем детский, корявой отечественной сборки. Иномарки покупают казнокрады, взяточники, новая элита, вылупившаяся, словно навозная муха из личинки, из элиты старой, партийной. Поэтому моральные соображения надо отбросить прочь, как древний хлам, опасаясь только серьезного прокола. Но Гусь и Толкач – ребята опытные, тертые, с ними можно работать долго и успешно.

Едва дождавшись ближайшей субботы, Игорь пригласил Верочку в ресторан. Она – видно было по лицу – сильно удивилась, но обошлась без расспросов. Игорь подготовился заранее. До этого он лишь однажды был с девушкой в ресторане, поддавшись на уговоры Юдиной, и теперь старался не ударить в грязь лицом. Усевшись за столик, Игорь небрежно развернул меню и протянул Вере:

- Выбирай на свой вкус.
- Но здесь все так дорого! – вовремя понизив голос, сказала девушка.
- Успокойся. Один раз можно. Я хорошо заработал, и мы должны отметить мой успех.
- Не боишься, что я тебя разорю? – по лицу Веры скользнула улыбка, которой она прикрыла свое смущение.
- Если бы боялся, то отвел бы тебя в другое место.
- Хорошо, уговорил.

Они сделали заказ и повели неспешный разговор о всяких пустяках. Общие темы нашлись быстро, Вера заканчивала учиться в школе, из которой вышел Григорьев, и они перемывали косточки учителям, хорошо знакомым обоим. У Веры, знающей на отлично естественные предметы, с детства были трудности с русским языком. Поэтому больше всего досталось «русалке», упорно ставившей девушке тройки. Но за насмешками скрывалось беспокойство. Вера собиралась поступать в университет, где сочинение являлось обязательным экзаменом, и очень боялась его завалить. Умудренная опытом мать предлагала дочке поступать в пединститут, где у нее имелись хорошие связи, да и требования были куда ниже, однако Верочка стояла на своем. Из пединститута главная столбовая дорога вела в школу, а девушке совсем не хотелось оказаться по другую сторону парты – в качестве учительницы.

Верочка с удовольствием пила сухое вино, осушив два бокала.

- Родители не отругают? – забеспокоился Игорь.
- Нет, – девушка загадочно улыбнулась.
- Тогда хорошо закусывай, запах меньше будет.
- Нельзя. Ты же сам говорил, что не любишь полненьких.

Они вышли из ресторана в начале десятого вечера. Игорь хотел побыть с Верочкой вдвоем, тем более что погода выдалась замечательная. Всего за неделю холодный северный ветер сменился южным, в городе заметно потеплело, казалось, на дворе не апрель, а середина мая.

Григорьев старался вовсю, шутил, посвящал Веру в особенности студенческой жизни, но девушка не очень внимательно прислушивалась к его словам, занятая какими-то своими мыслями. Заметив состояние Веры, Игорь начал теряться в догадках. А не переборщил ли он с ресторанной затеей? Даром что Верочка еще школьница, соображалка у нее работает качественно. Вдруг она догадалась, что внезапное богатство Игоря связано с его недавним пребыванием в камере? Тогда ее реакцию будет сложно предсказать.

Но девушку волновали совсем другие проблемы. Еще утром, воспользовавшись погожими выходными, ее родители уехали на дачу. Квартира осталась свободной. Такое случалось много раз в течение их с Игорем романа, но теперь, страдая от ревности, Вера говорила себе: «Возможно, у Игоря действительно была другая или другие. Но он любит только меня, я это вижу, я это чувствую. Лишь со мной ему по-настоящему хорошо. Просто Игорь стал мужчиной, ему мало поцелуев и объятий даже с любимым человеком. Он жаждет секса, этот проклятый основной инстинкт толкает его на случайные связи. Если я хочу, чтобы он целиком принадлежал мне, я должна забыть о своих принципах, отдаться ему целиком – не только душой, но и телом. Иначе мне снова придется делить Игоря с девушкой, которой плевать на нравственность».

Тут надо упомянуть один факт. В то время страна пожинала плоды многолетнего лицемерного ухода от проблем половой жизни, выраженного глобальной фразой «У нас секса нет». Теперь население, и особенно молодежь, с головой погрузилось в секс. Хотя нет, как раз голова в этом процессе не участвовала, доминировали животные инстинкты, поэтому многократно возросло число заболеваний сифилисом, гонореей, ВИЧ-инфекцией. Средства массовой информации с энтузиазмом освещали благодатную тему, и быстро создалось впечатление, что новое поколение вступает в половые контакты задолго до своего полового созревания.

Вера тоже читала газеты, она тоже смотрела телевизор, и поэтому ей казалось, что она одна осталась такая недотрога среди старшекласниц. Идя с Игорем к дому, Вера часто вдыхала полной грудью, напоминая человека, собирающегося нырнуть в холодную воду. Или, скорее, царя из «Конька-Горбунка», готового сигануть в кипяток. Страшно, но так заманчиво выйти из испытания совсем другим человеком. Несколько раз девушке хотелось остановиться и сказать: «Ну вот мы пришли. Дальше я сама». Тогда она вспоминала о будущих соперницах, и эта мысль придавала ей решимости.

Игорь сильно удивился, когда они оказались у квартиры Веры. Когда же девушка открыла дверь и поманила внутрь, он испытал настоящее потрясение. Он снял обувь, прошел в комнату. Вера, словно бедная родственница, пристроилась на табуретке. Она будто испугалась собственного решения. И тут Игорь понял: девушка сделала почти все для их первой близости, остался только последний шаг. И этот шаг должен сделать он. Слившись с Верой в горячем поцелуе, он взял ее на руки и перенес с табуретки на диван.

Глава 8

Да, совсем не такой представлял свою жизнь Григорьев каких-то пару месяцев тому назад. Он думал, что будет учиться, готовить себя к серьезной работе, а вышло совсем иначе. Учебу Игорь забросил окончательно, хотя свободного времени у него хватало. На дело он ходил раза два в месяц и вполне мог штудировать учебники. Но у него даже мыслей таких не возникло. Ради чего? Чтобы закончить вуз и зарабатывать копейки? Сомнительная перспектива. Григорьеву все больше нравилось то, чем он занимался. Ему требовался выброс адреналина, острые эмоции охотника, который в любой момент может превратиться в добычу. Отношения с Верой давали ему наслаждение, о котором большинство людей может только мечтать, но в них были лишь положительные эмоции. Это как все время питаться восхитительными тортами, сделанными лучшими кулинарами. Рано или поздно человеку для разнообразия захочется чего-то острого или кислого. И, кроме того, угоны позволяли ему иметь много денег. Игорь быстро овладел новым делом, освоился в коллективе. Хотя многие нюансы криминального промысла ему только предстояло постичь.

Как-то, получив от Гуся свою долю, Игорь захотел культурно покушать. Их с Гусем желания совпали, и они отправились в ресторан. На парковке Григорьев заметил шестисотого «мерина»:

– Глянь, какая роскошная тачка. С ней бы разобраться.

Гусь снисходительно, по-отечески улыбнулся:

– Запомни, студент, с людьми, которые ездят на шестисотых «мерсах», может связаться только последний идиот. Они тебя живым в цемент закатают или в тюрьгу лет на десять закропатят. Это смотря на кого нарвешься. Поэтому делай, как мы говорим, тогда будешь жить долго и счастливо.

Случались и более серьезные проколы. Однажды не сработало устройство Игоря. Сигнализация внедорожника, который они собирались угнать, заверещала, едва Гусь прикоснулся к дверце. Григорьев потом долго рылся в специальной литературе и все же нашел способ нейтрализовать хитроумное устройство.

Забавнее была другая история, тоже с внедорожником. Тут сигнализация отрубилась без проблем, Гусь успел распахнуть дверцу, и вдруг из-под машины показалась голова. Гусь опешил, не зная, что и подумать. Толкач, подскочивший к автомобилю, сгоряча решил, что это новый способ засады на угонщиков, и хотел дать деру, но тут голова заговорила – медленно, коверкая слова и обдав корешей таким густым перегаром, что после этого Толкачу было рискованно садиться за руль:

– Мужики, а где это я?

– В Караганде! – нервно ответил Толкач и хотел по своей доброй привычке звездануть алкаша ногой в лицо, но Гусь успел его остановить: – Ты че, блин, он же отрубится!

– Его проблемы, – сказал Толкач.

– Если бы! Проблемы будут наши. Он, вырубившись, уляжется под машиной. Ты гарантируешь, что не переедешь его.

До Толкача дошло. Алкаш – он ведь тоже человек, а любое убийство, даже неумышленное, с точки зрения стражей закона, является куда более тяжким преступлением, чем угон автомобиля. И расследуется с привлечением больших сил. Было бы разумнее совсем отказаться от внедорожника, чем рисковать жизнью пьянчужки. Но Толкач избрал третий вариант. Он сильным рывком выдернул любителя спиртного из-под машины и уже тут осуществил задуманное. Мужчина отключился снова, теперь не от избытка выпитого, а от сильного удара.

Уже подъезжая к гаражам, в одном из которых внедорожнику предстояла предпродажная подготовка, Толкач сказал:

– Интересно, как он там оказался.

Это был не вопрос, а выражение удивления, но все же Гусь ответил:

– Ты вспомни, под вечер был сильный ливень. Наверное, он спрятался под машиной от дождя.

– Нашел место. Странно, что сигнализация не сработала.

– Когда человек тяпнет лишнего, с ним иногда происходят и не такие чудеса.

Другие выходящие из ряда вон случаи, которых хватало при их рискованной деятельности, были не столь комичны. Как-то перерыв между двумя угонами затянулся больше обычного. При этом Игорю не поступило условного сигнала, говорящего, что его подельники арестованы. Гораздо позже Гусь рассказал Григорьеву о причинах вынужденной паузы. Тогда угонщики охотились на обычный «фольксваген». Скорее всего, для конкретного человека. Вообще, как подозревал Игорь, много, если не большая часть, легковушек угонялось под конкретный заказ. Правда, Гусь и Толкач работали с крутыми заказчиками, странно, что кому-то из них понадобилась такая простенькая тачка. Возможно, человек собирался использовать ее для поездок от дома к гаражу, где у него стоял шикарный лимузин.

Сигнализации на «фольке» не оказалось. Наверное, хозяин вложил все деньги до последнего рубля в машину. Гусь играючи открыл дверцу, Толкач плюхнулся на сиденье и взвыл от боли. Вместо сигнализации хозяин автомобиля, оказавшийся народным умельцем, установил коварное устройство. Стоило постороннему человеку усесться за руль – и в его филейную часть вонзался острый металлический стержень. Ягодицу Толкача он пронзил почти до кости.

Поскольку толком заточить стержень умелец запомнил, боль была очень сильной. Лишь понимание того, что человек с кровоточащим задом будет выглядеть на улице весьма подозрительно, заставило Толкача доставить машину в пункт назначения, где ему оказали первую медицинскую помощь. По дороге он прислушивался к собственным ощущениям, поскольку у него возникли опасения, не отравлен ли стержень. Откровенно говоря, если бы Толкач мог установить на собственную машину аналогичное устройство, он бы так и поступил. Без всяких угрызений совести угоняя чужие автомобили, Толкач был готов убить человека, покусившегося на его легковушку.

Его опасения оказались напрасными: человек, поставивший ловушку, был менее кровожаден. К врачу Толкач обратился поздно, в результате рана загноилась, и на какое-то время автовладельцы могли вздохнуть спокойно.

Вскоре им заказали «порше». В том, что это был именно заказ, не приходилось сомневаться. Об этом говорили все обстоятельства дела. Хозяин авто, молодой человек, сын преуспевающего бизнесмена или большого начальника, держал машину в хорошо охраняемом гаражном товариществе. Ее угон казался невыполнимой задачей. Но заказ требовалось выполнить, и угонщики всерьез взялись за дело. Гусь с Толкачом долго наблюдали за молодым человеком. Так обнаружилась одна его слабость. У владельца «порше» была любовница. Он проводил с ней время в загородном доме родителей. В силу молодости и связанной с ней гиперсексуальностью иногда у него не хватало терпения, и он со своей подружкой заворачивал в лес. Хотя, быть может, дело было не в спермотоксикозе, а в некоторых стереотипах, пришедших к нам с Запада. В Америке, к примеру, секс на заднем сиденье автомобиля упоминается практически в каждом фильме про молодежную любовь.

Угонщики воспользовались удобной для них привычкой молодого человека. Дважды всей компанией они следовали за его «порше» на машинах сначала Толкача, а затем Гуся. В первый раз любовники без остановок отправились в коттедж, во второй – свернули на лесную дорогу. Чуть выждав, Гусь повернул за ними. Увидев за деревьями силуэт иномарки, он остановился. Надев маску, Игорь стал красться к машине. Толкач, тоже в маске, двинулся следом, держа в руке газовый пистолет, очень похожий на настоящий. Он подстраховывал Игоря, готовый действовать по запасному варианту, если не сработает основной. Но основной сработал.

Беспечные любовники забыли о блокировке дверей. Игорь распахнул дверцу в тот момент, когда оба участника любовной игры полностью обнажились. То есть можно было проследить, как реагирует организм, и в частности его половая система, на внезапное появление постороннего, да еще в маске. Молодой человек отреагировал предсказуемо, единственная часть мужского тела, способная за короткое время менять свои размеры, с удивительной быстротой вернулась в исходное положение.

Женщина отреагировала как положено, попытавшись закричать.

– Заткнись, иначе мозги вышибу! – грозно цыкнул на нее Григорьев.

Женщина благо разумно замолчала, зато молодой человек, не видя притаившегося в нескольких метрах Толкача, бросился в атаку на единственного противника. Хотя бросился – слишком громко сказано. Салон «порше» не располагал к слишком размашистым движениям. Игорь позволил молодому человеку выскочить из машины, что целиком совпадало с его желанием. Тут он небрежно опрокинул его на травку задним зацепом, прыгнул сверху и взял руку на излом. Рядом нарисовался Толкач с веревкой в руках. Вдвоем они быстро прикрутили горелюбовника к дереву, не забывая косить одним глазом в сторону салона автомобиля. Дамочка могла оказаться слишком шустрой и попытаться укатить в быстрой легковушке. Но той даже в голову не приходили такие мысли. Она лежала и дрожала от страха. Возможно, к боязни примешивалось некоторое стеснение – кто до конца разберет женскую психологию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.